

Вера Камша Пламя Этерны

Отблески Этерны – 00

ВЕРА КАМША Пламя Этерны

Роману Папсуеву

*И зыбью рук отсеченных.
Венков и спутанных прядей
Бог знает где отозвалось
Глухое море проклятий.
И в двери ворвалось небо
Лесным рокотаньем дали.
А в ночь с галерей высоких
Четыре луча зывали.
Федерико Гарсиа Лорка*

1. Мастер

— Мой эпиарх, [*Древнекэртианский титул брата или совершеннолетнего сына правящего монарха — анакса*] вытяни руку с кистью и заметь, как соотносятся части лица друг с другом, а потом отметь такое же соотношение на рисунке, — Диамни Кору. крепко сбитый молодой человек, ободряюще улыбнулся худенькому юноше, почти подростку, — это совсем несложно.

— Несложно, но у меня никогда не получится, — юноша аккуратно отложил кисть, — у меня вообще ничего не получается. Ни в чем и ни с кем. Я даже не могу тебя заставить называть меня по имени.

— Извини, Эрнани, — художник покаянно вздохнул и вдруг засмеялся, отчего его на первый взгляд заурядное лицо стало необычайно привлекательным, — но я — простолюдин, а ты — эпиарх из дома Раканов. Через такое, знаешь ли, переступить трудно.

— Я понимаю, — кивнул Эрнани, — мне следовало родиться в другой семье, там моя беспомощность не так бы бросалась в глаза. Хорошо, что я младший, я был бы отвратительным анаксом.

Диамни промолчал. Конечно, Эрнани Ракан никогда не стал бы воином, с его болезнью это было просто невозможно, но хороший анакс и не обязан лично махать мечом. При хорошем анаксе не бывает ни войн, ни восстаний и в цене не оружие, а статуи и картины.

Анакс Анэсти, недавно погибший во время охоты, приказал учить Эрнани живописи потому, что великий Лэнтиро Сольега с детства страдал той же болезнью ног, что и эпиарх. Сольега победил свою беду, но быть калекой мало, чтобы стать великим мастером, — нужно, чтобы весь свет сошелся на кончике твоей кисти, а Эрнани тянет в большой мир, который от него отворачивается. Он мечтает о военных подвигах, охоте, танцах, красивых девушках. Конечно, юноше не грозит одиночество, но он достаточно умен, чтобы понять, что в нем ценят брата анакса, а не его самого.

— Мой эпиарх... Эрнани, вернись с небес на землю, скоро стемнеет, а при светильниках тени ложатся совсем иначе!

— Да как бы они ни ложились, толку-то!

В больших серых глазах мелькнула бешеная искра, отчего юноша стал похож на своего брата Ринальди, не к ночи будь помянут. Увы, Эрнани молился на эпиарха-наследника. Именно таким — бесшабашным, веселым и вспыльчивым, по его мнению, и должен был быть настоящий мужчина.

К несчастью, Ринальди был хорошим братом, хорошим в том смысле, что навешал калек чаще занятого делами государства Эридани. Другое дело, что после болтовни о поединках, охот и любовных победах юноша становился еще несчастней. Диамни несколько раз порывался поговорить с Ринальди начистоту, но не решался. Средний из братьев Раканов был не из тех, кто станет слушать безродного мазилу, а нарываться на грубость художнику не хотелось.

— Эрнани, если ты хочешь научиться рисовать...

— А я не хочу! — с неожиданной яростью перебил ученик. — Мне приказал Анэсти, но у меня ничего не выхолит! И не выйдет, потому что я не хочу.

— Скажи об этом братьям.

— Зачем? — Ученик упрямо сжал губы. — Тогда мне пришлют монаха-утешителя, или чтеца, или геометра. Или еще кого-нибудь, чтобы меня занять, и будет только хуже. С тобой я хотя бы могу не врать. Давай лучше рисовать будешь ты, а я просто смотреть.

— Эрнани, мне платят не за то, чтобы я рисовал,

— Тебе платят за то, чтобы я не лез на стену от скуки. — Эрнани откинул со лба золотисто-каштановую прядь, — и у тебя это получается. С тобой мне легче, чем без тебя, и у меня есть глаза. Ты рожден художником, но тебе не нравится жить во дворце.

— Ты так думаешь?

— Да, иначе на твоих рисунках люди были бы добрее, а так... Когда я на них смотрю, я начинаю бояться Эридани. А Беатриса — она же мухи не обидит, а ты из нее сделал какую-то гиену, а из Ринальди леопарда.

— Твой брат и в самом деле похож на леопарда, — улыбнулся художник.

— Похож, — вздохнул эпиарх, — С Ринальди ты прав, и со старым Борраской — тоже, но остальные...

— Остальных исправлю. Сам не знаю, почему у меня так получается. Наверное, мне и впрямь тяжело среди знати.

— Просто ты очень гордый, — покачал головой эпиарх, — вот тебе и кажется, что на тебя смотрят не так. А Ринальди все равно, кто чей родич, он или любит, или не любит.

— Меня он не любит, — А ты его еще больше не любишь. И зря.

Диамни пожал плечами. Он и впрямь не любил Ринальди с его красотой, наглостью и пренебрежением ко всему, что не касалось его персоны. Художник про себя попросил Абвениев, [*Абвении, или Ушедшие — общее имя четырех богов — создателей и Хранителей Кэртианы — Астрана, Унда, Лита и Анэма, передавших свою силу и власть избранникам из числа смертных и временно или навсегда покинувших Кэртиану*] чтобы анакс наконец женился и обзавелся потомством, потому что оставлять государство на Ринальди опасно, а судьба Анэсти доказывает, что рок караулит анаксов точно так же, как и простых смертных. Если, конечно, это был рок...

— Когда Эридани женится?

— В следующем году, — заверил эпиарх, — осенью. Раканы всегда женятся осенью, но кто она, пока неизвестно.

Следующей осенью... А наследник появится в лучшем случае еще через год! Если б Диамни Коро спросили, он посоветовал бы анаксу на это время запереть красавца Ринальди в какой-нибудь отдаленной крепости и приставить к нему сотню стражников, но Эридани Ракан не имел обыкновения советоваться с художниками.

2. Эпиарх

Диамни собрал свои кисти и ушел. Эрнани Ракан вздохнул и постарался сосредоточиться на гипсовом слепке. Совершенное в своей правильности лицо с пустыми белыми глазами вызывало тревожное чувство. Для Диамни Астрада был всего лишь копией старой скульптуры, для Эрнани Ракана — напоминанием о том древнем и чудовищном, что спало в его крови.

Эпиарх призвал на помощь всю свою волю и принялся за рисунок. На чистом листе начала проступать безглазая голова, окруженная похожими на змей локонами. Слепые глаза раздражали, и Эрнани неожиданно для себя самого пририсовал сначала зрачки, а потом и ресницы. Лицо на рисунке стало не таким отталкивающим, и ученик мастера Диамни, закусив губу, принялся переделывать бога в человека.

— И с какой это радости ты взялся за мою особу?

От неожиданности Эрнани вздрогнул, выронив грифель. За его плечом стоял Ринальди.

— Я не заметил, как ты вошел.

Странно, на рисунке и впрямь был Ринальди. Несомненно, скульптор, создавая Астрада, взял за образец кого-то из Раканов — кому, как не им, походить на своих бессмертных прародителей, принявших человеческий облик.

— О чем задумался? — Ринальди дернул брата за ухо.

— Об Ушедших, — признался юноша. — Понимаешь, мы рисовали гипсовую голову, потом я зачем-то переделал ее в живую, и получился ты.

— Ты хочешь сказать, что я похож на это чудовище? — Ринальди кивнул на установленную на помосте скульптуру. — Будь это так, со мной ни одна женщина даже разговаривать не стала. И вообще, не верится мне в наше божественное происхождение.

— Почему?

— Да потому, что тогда наши предки обошлись бы без армий и полководцев. Не спорю, Раканы были великими завоевателями, но людьми, а остальное — сказки, хоть и полезные

— Кольца Гальтары, Цитадель, Лабиринт — не сказки!

— Тот, кто все это построил, и впрямь управлял силами, которые нам и не снились. — Ринальди был непривычно серьезен. — Анаксы пыжались и корчат из себя преемников Ушедших. Пока Кэртиана сильна, это нетрудно, но стоит хотя бы раз сесть в лужу, и все полетит к закатным кошкам. Если простонародье поймет, что ими две тысячи лет повелевали лжецы, которые могут сжечь дом, но не город, нас сметут, как крошки со стола. И правильно сделают. Ты не покидаешь Цитадель, а я часто бываю в городе. — Брат залихватски подмигнул, и Эрнани почувствовал, что краснеет. Ринальди менял женщин, как рубашки, и не брезговал выходить на поиски приключений в одежде простолюдина.

— Эрно, — Ринальди снова смеялся, — прекрати думать о женщинах, они того не стоят! Так вот, я, как ты знаешь, частенько таскаюсь по тавернам и площадям. В последнее время Гальтары прямо-таки наводнили эсператистские проповедники.

— Эсператисты? — Юноша непонимающе уставился на брата. — Кто это?

— Они считают, что наш мир слепил кто-то, кого они называют Создателем. Создал и ушел куда-то, но когда-нибудь вернется. Хороших наградит, плохих накажет. Хорошие — это, разумеется, те, кто слушает проповедников.

— А как же Ушедшие?

— А они не боги, а демоны, которые захватили власть, когда Создатель отвернулся, а потом прослышали, что тот возвращается, и удрали.

— Бред какой-то...

— Бред, — согласился Ринальди, — но народу нравится. Если Эридани не покажет, кто в доме хозяин, лет через десять эсператисты попробуют нашу божественность на зуб.

— Пусть пробуют. Они узнают, что такое Сила Раканов.

— Ты и впрямь так думаешь? Тогда ответь мне, зачем потребовалось стаскивать старика Борраску с молодой жены и посылать за тридевять земель, если можно было вызвать Зверя? Зачем кормить прознатчиков и стражников, если достаточно посмотреть в зеркало или сжечь на подносе пучок травы?

— Раканы вправе использовать Силу, только если речь идет о жизни и смерти Кэртианы.

— Ушедшие в Закат! Да будь у анаксов в самом деле великая власть, они бы пускали Силу в ход где надо и где не надо, а монахи и книжники объясняли бы, что без этого Кэртиана сгорит лиловым пламенем!

— Рино, — младший брат смотрел на среднего с ужасом и восторгом, — ты же не станешь отрицать существование изначальных тварей, капканов судьбы, анаксианских регалий, знаков домов?

— Нет, конечно, но если у тебя есть кот, не стоит выдавать его за леопарда. Что-то магия, безусловно, может, но войны выигрываются мечом, а мир — золотом.

— Ты это Эридани скажи, — засмеялся Эрнани.

— Зачем? Он скормит нас обоих Изначальным Тварям, или кто там на самом деле сидит в катакомбах, но не признает, что его распрекрасные реликвии всего лишь вещи, пусть и магические, и никакой божественности ему не дают. Наш анакс слишком серьезно относится к доставшимся ему игрушкам.

— Ты все еще злишься?

— Злюсь, — кивнул Ринальди. — Болтаться в Гальтарах, когда другие воюют! Да за это Борраску с Эридани убить мало. Они, видите ли, решили, что наследника нужно держать в сундуке. Можно подумать. Эридани — евнух, а я — последний в роду.

— Ну, пока Эрио не женится, тебе лучше не рисковать.

— Спасибо, брат. Ты — настоящий Ракан. Когда появятся наследники, я, стало быть, могу позволить себя убить, но не раньше. А если мне что-то на голову упадет или меня чей-нибудь муж отравит, тогда что?

— Ты же не веришь в судьбу.

— Не верю. Что за подлая привычка всех загодя хоронить?

3. Мастер

Когда Диамни Коро переступил порог мозаичного ломика, было еще не поздно. Великий Лэнтиро Сольега задумчиво рассматривал эскиз, изображавший четырех величественных мужей в сияющих доспехах.

— Что думаешь? — Лэнтиро протянул ученику набросок.

— Добротная работа.

— Именно что добротная — из Вагники выйдет хороший ремесленник, но мастером он не станет. Тебя что-то беспокоит?

— Да, мастер. Я — плохой учитель, и всегда это знал. Мне хочется рисовать, а не сидеть в Цитадели с эпиархом, которому нет дела до живописи. Ты во мне ошибся...

— Вряд ли. — Лэнтиро Сольега плутовато улыбнулся. — Мальчику не хочется рисовать — его право. И кто сказал, что и послал тебя учить Эрнани Ракана живописи? Я послал тебя учиться жизни, Диамни. Вот его, — знаменитый художник помахал перед носом ученика злополучным эскизом, — я пошлю только на рынок за лепешками. Итак, ты хочешь отказаться от уроков?

— Да, но Эрнани... Он просит, чтобы я остался, но не хочет рисовать.

— Тогда останься и рисуй сам. Тебе нравятся Раканы?

— Эридани я видел близко всего несколько раз. Он выглядит властным, сильным и очень усталым. Мне кажется, анакс — справедливый человек, очень серьезно относящийся к своим обязанностям. Ринальди груб, сластолюбив, легкомыслен и жесток. Эрнани — очень милый юноша, к сожалению, влюбленный в своего беспутного брата.

— И эти люди оказались шитом Кэртианы на переломе эпох. — Сольега задумчиво потер переносицу, — законник, вертопрах и калека. Ты должен рисовать их, рисовать до одури. Тебе посчастливилось оказаться в центре истинных страстей. В Цитадели должно

смешаться все — предательство, верность, похоть, целомудрие, добро, зло, красота, уродство... Да, Диамни. тебе повезло! Если роспись нового храма доверят мне, понадобятся все твои эскизы. Даже те, которые ты считаешь неудачными.

— Мастер... Откуда ты знаешь, что мне не нравится? Правду говорят. Лэнтиро Сольега — ясновидящий!

— Нет, всего лишь сидящий взаперти. Задерни занавеси и открой холст. Я хочу знать твоё мнение.

— Это... Это оно?!

— Возможно. Я ещё ни в чём не уверен. Ты первый, кому я это показываю.

Он первый! Первый! Диамни с бьющимся сердцем раздвинул серые холщовые занавеси. Эту картину мастер начал полтора года назад, и она стала его жизнью. О чём бы и с кем бы ни говорил Лэнтиро, что бы ни делал, он думал о своём детище и вот сегодня решился показать его ученику.

Молодой художник мысленно сосчитал до сорока, поднял глаза и столкнулся со взглядами Ушедших Богов, вернее, уходящих. И как же они отличались от тысячекратно повторенных групп, украшавших храмы и богатые дома, какой нелепой выглядела попытка Ватники передать величие и силу через напыщенность поз и бьющее в глаза сияние!

Четверо ещё нестарых мужчин стояли на вершине горы, глядя вниз. Они прощались, уходили навсегда, оставляя то, что им дорого. Так было нужно, таков был их долг и их судьба, но как же мучительно было рвать с тем, что составляло сам смысл их существования.

Лэнтиро не погрешил против канона, наделив Ушедших всеми традиционными атрибутами и внешностью кэртианских зориев [*Наиболее Адекватное значение — «существующие здесь и сейчас», «бытийствующие» — прямые потомки Абвениев. Зориев различают по принадлежности к одному из четырех Высоких Ломов Кэртианы — Волн (потомки Унда), Ветра (потомки Анэма), Молний (потомки Астрапа) и Скал (потомки Литы)*] из соответствующих домов. Астрап был высок, строен, золотоволос и кареглаз, у его ног лежал леопард, за спиной струился алый плащ с золотыми молниями. На плече Анэма сидела ласточка, белизна птичьих перьев казалась особенно ослепительной на фоне черной растрепанной гривы Хозяина Ветров. Рядом застыл Владыка Скал Лит. В светло-серых глазах Уходящего были мука и обреченность, сильная рука бездумно сжимала ошейник огромной собаки, русые волосы путал дувший в лицо ветер. Последний из братьев. Повелитель Волн Унд, оторвался от остальных, подойдя к самому краю скалы. Бледное лицо, обрамленное каштановыми локонами, огромные зеленые глаза, загадочные и глубокие, как само море. Унд казался совершенно спокойным и даже улыбался, но мастеру Лэнтиро удалось передать нестерпимую боль, рвущую сердце бога. Нестерпимую даже в сравнении с тем, что испытывали его братья.

— Он все же оставил ее, — тихо произнес Диамни, — оставил, хоть и любил всей душой. Монахи не простят вам этой картины, мастер.

— Пусть их, — махнул рукой Сольега, — но с чего это ты записал меня в еретики? Я все изобразил, как должно истому абвениату.

— Мастер лукавит, — к Коро вернулась способность улыбаться, — он прекрасно знает, что делает. Трое прощаются с Кэртианой, четвертый со своей любовью, которую уносит с собой в вечность. Трое надеются вернуться, четвертый знает, что, если уйдет, возвращаться будет некуда. Трое исполняют свой долг, четвертый предаст. Он предает, уходя, и предаст, если останется. И он все-таки уходит...

— Да, — кивнул Сольега. — ты все понял правильно. Он ушел, она осталась, и никто не знает, смогла ли она умереть или любовь бога подарила ей вечную боль. Ее следы затерялись, а ее слезы высохли. Известно, что она не могла родить Унду ребенка, и ему по настоянию братьев пришлось взять другую женщину, от которой и пошел лом Волны. Я нарисовал Уходящих, и, если смогу нарисовать Оставленную, мой долг в этом мире будет исполнен.

— Не говори так!

— Отчего же? Каждый из нас приходит на землю во имя чего-то, просто многие об этом не задумываются и всю жизнь плывут по течению. — Глаза Сольеги стали хитрыми. — Значит, тебе понравилось?

— Мастер! Ты еще спрашиваешь?

— Разумеется, спрашиваю. Я тщеславен, как все художники, просто некоторые считают нужным это скрывать. Я думаю, мы заслужили по кувшину хорошего вина, но вся беда в том, что я по милости этого гнусного лекаря не держу его в доме. Бегу от искушений, знаешь ли, но сегодня можно все. Ученик, ты пойдешь в лучшую таверну и раздобудешь нам лучшего вина, мы зажжем свечи и устроим себе праздник.

Диамни расплылся в невольной улыбке — радость учителя всегда его захватывала. Но какая картина! Ушедшие боги, какая картина!

4. Мастер

Лучшее вино в Гальтарах подавали и «Белой Ласточке». Диамни едва не рассказал хозяину таверны о картине, но сдержался. Во-первых. «Уходящие» еще не завершены — небо не прорисовано, и в нем не парила серая чайка Унда, а во-вторых, молодой художник отнюдь не был уверен, что монахи будут счастливы увидеть Абвениев такими. Лучше всего, если первыми зрителями станут братья Раканы. Если понравится анаксу, никто не посмеет сказать слово поперек.

От мыслей о Лэнтиро и его творении художника отвлек звук свирелей и барабанный бой. Диамни и не заметил, как дошел до храма Ветра, где пришлось задержаться, пропуская процессию. Художник знал от Эрнани, что Беатриса Борраска, супруга стратега Лорио, каждый вечер молится о здравии ушедшего на войну полководца и победе его меча. Художник поудобнее перехватил оплетенный веревками бочонок и от нечего делать принялся рассматривать процессию, которой предстояло трижды обогнуть здание.

Первыми шли Беатриса и сопровождавший ее Ринальди Ракан. Личико эории светилося восторгом и надеждой, эпиарх откровенно скучал. Диамин слышал, что Ринальди терпеть не может монахов и свои обязанности наследника, а тут бедняге приходится с серьезным видом гулять вокруг храма. Художник отступил в тень — попадаться на глаза эпиарху, когда тот злился, было небезопасно: и без того вспыльчивый и резкий, он превращался в сущего демона. Знал ли об этом выскочивший перед самым носом Беатрисы эсператистский проповедник, осталось тайной.

Юная женщина отшатнулась и замерла, испуганно распахнув и без того большие глаза. Эсператист вытянул худую, покрытую язвами руку, целясь куда-то между эпиархом и эорией, и возопил:

— Я вижу тебя насквозь, отродье Беды! Ты носишь в себе Зло. Покайся! Создатель все про всех знает! От него ничего не скроется! Что б ни свершил и ни замыслил смертный, если он не открыт Творцу и слугам Его, не ждать ему милости за гробом. Все зло на свете от лжи пред лицом Его!

Иступленные вопли завораживали. Смысла в выкрикиваемых оскорблениях и угрозах не было никакого, но люди медленно пятились от беснующегося проповедника и замерших у входа в храм мужчины и женщины.

— Для Него твоя ложь — шелуха! — надрывался проповедник, тыча пальцем куда-то вперед. — Твое сердце чернее мочи. Ты — зло и вместилище Зла! Ты — проклятье Кэртианы, ты...

Ринальди метнулся вперед, подхватил тщедушное извивающееся тельце, поднял над головой и с силой отшвырнул. Кликуша, отчаянно вопя, пролетел над перевернутой тележкой, врезался в угол дома и замолк. Какой же силой надо обладать, чтобы сотворить такое! Или дело не только в силе? Художник торопливо перевел взгляд на эпиарха. Тот стоял неподвижно, лишь поднявшийся ветер трепал светлые волосы Ринальди. напоминая о том,

что это человек из плоти и крови. Площадь потрясенно молчала. Наследник трона медленно обвел глазами замерших гальтарцев, зло улыбнулся и повернулся к дрожащей Беатрисе.

Художник не мог слышать, что они говорят друг другу, да, говоря по чести, и не хотел. Проповедник был отвратителен. Ринальди Ракан страшен. Безумный эсператист был прав в одном: эпиарх — это зло. Страшно даже подумать, что станет с Золотыми Землями, со всей Кэртианой, если Эридани погибнет бездетным, а венец и Сила достанутся Ринальди.

5. Эпиарх

Об исчезновении Беатрисы Борраски Эрнани узнал от брата. Эридани, в своем четырехцветном платье похожий на огромный боевой корабль, вошел в комнату как раз тогда, когда они с Ринальди смеялись над виршами Номиритана, расписавшего войну котов и собак так, словно это были люди.

Хмуро поздоровавшись, анакс прикрыл за собой дверь и обернулся к Ринальди:

— Мне сказали, что ты тут.

— И в порядке исключения не соврала. Ты только послушай: «Я презираю хвостами крутящее племя, псы рождены пресмыкаться, и в этом их глупое счастье» — это кот говорит.

А собака ему отвечает: «Твари негодные, вы для себя лишь живете, вам никогда не понять, что такое служенье и долг».

— Прекрати! — Темные брови Эридани сошлись к переносице. — О Номиритане потом, хотя не думаю, что ты оказываешь Эрно услугу, снабжая его подобными виршами.

— Ну что ты. — Эрнани виновато улыбнулся, — это занятно.

— Потом. Ринальди, где Беатриса Борраска?

— Беатриса? — удивился тот. — Откуда мне знать? Видимо, на своей вилле.

— Ее там нет. Она с двумя служанками уехала прошлым утром. Сестра Лорио полагает, что в храм. К вечеру эория не вернулась, на вилле решили, что она осталась в Цитадели или в городском доме, но она не появлялась ни там, ни там.

— Значит, старик рогат, — покачал головой Ринальди. — Что ж, этого следовало ожидать. Жениться в пятьдесят с лишним на семнадцатилетней, и уйти на войну более чем глупо. .

— Рино, — Эридани сдерживался из последних сил, — если ты знаешь хоть что-то, скажи. Лорио был уверен, что оставляет жену в надежных руках, что мы ему скажем? Беатриса не из тех, кто сбегает с любовниками, кому это знать, как не тебе!

— Да, я не в се вкусе, — зевнул Ринальди, — и это взаимно.

— Прекрати корчить из себя шута! — На скулах анакса заходили желваки. — Я знаю, что ты в маске забрался к Беатрисе в спальню и она тебя выставила. За какими кошками тебя туда понесло?!

— Ни за какими, — пожал плечами эпиарх. — Беатриса в ночной рубашке еще хуже, чем в платье. Созерцать ее обнаженной меня, скажем так, не тянуло. Это тебе нравится спать на терках.

— Ринальди!

— Ты спросил, я ответил.

— Я не просил тебя обсуждать внешность эории Борраска. Что ты делал в се спальне?

— Собирался ее спасать. Мне передали письмо от ее имени и с ее печатью. Дескать, за ней охотятся эсператисты, она не знает, что делать, подозревает кого-то из родичей Лорио, не может писать все, что знает, и просит меня после полуночи пробраться к ней в спальню. Окно обещала оставить открытым. Так, кстати, и было.

— Письмо сохранилось?

— Нет, я его порвал.

— Ты всегда так делаешь?

— Почти...

Это было правдой. Ринальди не хранил писем, возможно, потому, что слишком часто менял любовниц. Не врал он, и когда говорил о женщинах. Брат предпочитал чернокудрых бойких красоток, полногрудых и широкобедрых. Хрупкая, болезненная Беатриса с ее льняными волосами и лучистыми голубыми глазами была ему не нужна. Видимо, Эридани подумал о том же, потому что лицо его прояснилось.

— Какое счастье, что Лорио не женился на корове, иначе тебе бы никто не поверил. — Улыбка анакса погасла так же быстро, как и появилась. — Что ж, придется перерыть все эсператистские притоны и допросить слуг, — сказал анакс. — Если письмо писала не Беатриса, то кто-то из ее окружения...

— Пускай заодно поищут и Гиндо, бездельник куда-то удрал. Наверняка увязался за какой-то сукой.

— Твой пес старается не отстать от хозяина, только и всего.

— Верно. — Наследник прищурил глаза. — Эсператисты эсператистами, но Борраска второй раз не женится. Нельзя забывать возможных наследников, дом Ветра — штука вкусная.

— Ринальди, раз уж ты заговорил о женах... Тебе следует жениться одновременно со мной.

— Следует — значит, женюсь, но, — эпиарх предупреждающе поднял палец, — во-первых, не на уродине, какой бы знатной она ни была, а во-вторых, моя будущая благородная супруга должна сразу уяснить, что, кроме супружеского долга, ей особо рассчитывать не на что.

— Кот гулящий, — анакс беззлобно стукнул брата по плечу, — и когда ты только уймешься?

— Коты не унимаются никогда, — с гордостью сообщил Ринальди, листая творение Номиритана. Вот: «Те, кто считает, что мы любимся только весною, мало что знают о племени нашем великом. Осенью, летом, зимой, всегда мы к посеву готовы... М-м-м, что идет дальше, и впрямь при анаксах и добродетельных юношах вслух; лучше не произносить

6. Мастер

Первым порывом Диамни Коро было увести Эрнани с примыкающей к Ветровой башне площади, где художник и его ученик зарисовывали старые кипарисы. Вернее, Диамни рисовал, а Эрнани сидел рядом и о чем-то думал.

Странно, но увлеченный работой художник первый почувствовал странное напряжение. Именно в этот миг следовало встать и уйти вместе с эпиархом, но он промедлил, а потом стало поздно — из-за Ветровой башни вышла обнаженная женщина, явно беременная, за которой двигались несколько десятков человек. Диамни от неожиданности вскочил, уронив дощечку для растирания красок, а женщина стремительным шагом прошла мимо остолбеневших людей, оказавшихся на площади, встала на темно-серую плиту, на которой был выбит знак Анэма, и тут художник ее узнал. Пропавшая в начале прошлой осени Беатриса Борраска, но, дети Заката, что же с ней случилось!

Беатриса была бледна и худа, словно после длительной болезни. И без того маленькое личико стало совсем крохотным, и в нем не было ни кровинки, а обведенные черными кругами глаза горели каким-то иступленным огнем.

Мастер Коро ошалело смотрел на замершую на сером Камне фигурку с огромным животом, ничего не понимая и опасаясь худшего. Несмотря на охватившее его предчувствие беды. Диамни оставался художником — он бы и рад был ничего не видеть, но глаз непроизвольно отмечал синяки на щеке, руках и бедрах, какие-то отметины, похожие на плохо зажившие собачьи укусы, стелы от веревок на руках и шее.

Ветровая площадь стремительно заполнялась слугами, свободными от стражи воинами, оказавшимися поблизости зорями и абвениатами. Надо полагать, если Беатриса в таком

виде шла через нижний город, за ней валила целая толпа, хорошо, что в Цитадель могут входить лишь зории, воины и слуги. И все равно народу собралось до безобразия много. Диамни с наслаждением разогнал бы любопытных бичом для скота, но он был всего лишь безродным художником, приставленным развлекать калеку-эпиарха, И мог лишь дивиться чужой черствости.

А вот Беатрису чужие взгляды, похоже, не задевали. Глядя на замершую на украшенной символом Анэма плите женщину Диамин все больше убеждался, что она повредила рассудком. Ее нужно увести, кто бы ни был отцом ее ребенка, сейчас это неважно. Кажется, он сказал это вслух, потому что Эрнани сжал руку художника и прошептал:

— Она здесь по Праву Ветра.

— Обычай? — Диамни совершенно не к месту подумал, что юноша, вероятно, впервые видит обнаженную женщину.

— Если принадлежащий дому Ветра приходит на Ветровую площадь и встает на плиту с символом Анэма, это значит, что он требует защиты Абвениарха и суда анакса.

Конечно! В Цитадели четыре башни и четыре площади, посередине каждой — плита с символом. Почему он никогда не задумывался, зачем все это? Древние ничего не делали просто так,

Звуки свирели возвестили о появлении Абвениарха, чей дворец находился по другую сторону Ветровой башни. Богопомнящий медленно и с достоинством пересек площадь и остановился перед замершей женщиной, опираясь о посох.

— Именем Ушедших, дочь Анэма! Ты просишь милосердия или справедливости?

— Справедливости! — выкрикнула Беатриса. — И вместе со мной ее ждут жители Гальтар, стоящие у верхнего Кольца! Богопомнящий, я не думала, что под небом может существовать подобное зло, но оно существует, оно ходит, смеется, топчет самое святое, что есть в наших душах...

— Успокойся, дочь Анэма. — Абвениарх говорил очень медленно и очень ласково. Он был умным и опытным человеком, а Беатриса была не первой безумицей, которую ему приходилось успокаивать.

— Нет и не будет мне покоя, пока этот человек... Нет, Богопомнящий, это не человек! Люди и даже звери не могут быть такими! Его должны покарать... — Голос женщины задрожал. — Во имя Оставленной и всех слез ее, он не должен уйти!

— Анакс справедлив, — мягко произнес Богопомнящий, — а слуги Ушедших милосердны. Кто твой обидчик и что он сотворил?

— Мой обидчик? — Огромные глаза стали еще больше, казалось, женщину безмерно поразило это слово. — Мой обидчик?... Прошлым летом я отправилась в храм Анэма, но я не добралась ни до храма, ни до города. Меня похитил Ринальди Ракан! Моих спутников, кроме кучера, бывшего сообщником эпиарха, убили, а эпиарх... Я умоляла его отпустить меня, говорила о чести зориев, о том, как его любит мой супруг, но Ринальди думал лишь о мести. Я отказала ему в любви, и он решил взять меня силой. И взял... Он приходил каждый день, пока не убедился, что я понесла. Тогда он отдал меня своим слугам и своей собаке, а сам смотрел... Вместе со своей новой женщиной. Смотрел и смеялся. Потом ему наскучило и это, и он приказал меня убить, но двое из слуг и... И Василика... Они оказались добрыми людьми. Они боялись Ринальди, но не смогли согласиться с убийством... Они отравили пса и помогли мне бежать. Они готовы подтвердить, что я не лгу, если их защитят от... от...

— Я слышал твои обвинения, дочь Анэма. — Голос Богопомнящего был по-прежнему мягок, голос, но не глаза.

— Я тоже слышал. — Диамни не понял, откуда вышел Эридани. Загорелое лицо анакса казалось маской. Он сбросил плащ и передал одному из воинов. — Я стану говорить с тобой, зория Борраска, но лишь когда ты прикроешься.

Беатриса вздрогнула, когда на ее плечи лег четырехцветный плащ. Прикрыв наготу, она утратила всю свою решительность и ярость. Испятнанные многочисленными синяками руки

вцепились в толстую материю, неправдоподобно огромные глаза моляще и потерянно глядели на Эридани.

— Итак, — раздельно произнес тот, — ты обвиняешь моего брата Ринальди в похищении и насилии?

Беатриса опустила голову, спутанные льняные пряди почти полностью скрыли ее лицо.

— Да или нет? — Голос был бесстрастен, но Диамни почти не сомневался, что, будь на то воля анакса, женщина до Цитадели не добралась бы.

— Да, — пролепетала она, — это правда...

— Приведите наследника, — распорядился Эридани и замолчал. Молчали все — слуги, стражники, зории. Художник видел, что Беатриса держится из последних сил, худенькое личико казалось алебастровой маской, губы посинели, а багровые пятна на бескровной щеке выглядели нелепо, словно пятна краски.

Ожидание было недолгим — эпиарх был из тех, кого трудно найти в постели ночью и проще простого поздним утром. Видимо, воин, ходивший за Ринальди, рассказал ему, зачем его призывает анакс, потому что красивое лицо эпиарха не выражало ни удивления, ни сострадания, ни страха. Только брезгливость.

— Мой анакс хотел меня видеть.

— Да. Эория Борраска обвиняет Ринальди Ракана в насилии. Что ответит обвиненный?

— Ложь! — Эпиарх усмехнулся, и это показалось Диамни особенно отвратительным. — Красотка провела зиму с пользой и удовольствием, потом вспомнила, что у нее есть супруг, и испугалась.

— Ринальди! — Отчаянный крик Беатрисы заставил художника вздрогнуть. — В тебе осталось хоть что-то человеческое?!

— Кто знает, но моя душа не имеет никакого отношения к твоему животу, эория. — Наследник повернулся к Эридани, — Я клянусь, что она или безумна, или замечает следы, а ее так называемые свидетели подкуплены или запуганы.

— В том числе и некая Василика?

— Василика? — Ринальди приподнял бровь. — Ах да, Василика... Родимое пятно в виде полумесяца пол левой грудью и черные волосы до колен. Тогда это не страх, а золото. Если моя любовница решила меня продать, то запросила дорого.

— Эория утверждает, что Ринальди Ракан отдал ее сначала своим слугам, затем своему псу.

Анакс говорил о брате так, словно его здесь нет. Видимо, это что-то означало, но Диамин не знал, что именно.

— И что говорит пес?

Воистину у этого человека нет ни души, ни сердца!

— Пес убит. Чтобы эория могла бежать, один из сочувствовавших ей слуг подсыпал псу яд.

— Значит, Гиндо сначала украли, а потом отравили для пущей достоверности. Бедняга... Если это, разумеется, был Гиндо, который пропал у меня осенью.

— Ринальди Ракан отрицает свою вину.

— Да.

— Беатриса Борраска настаивает на своем обвинении?

— Мой анакс! Это сделал он... Он...

— Прошу назвать имя.

— Ринальди Ракан, брат и наследник моего анакса!

— Что скажет Абвениарх?

Богопомнящий говорить не спешил, с многозначительным видом глядя в небо. Его не торопили — как же, непредвзятый и милосердный судья! Наконец он что-то надумал, и Диамни показалось, что он очень доволен собой. Красивая холеная рука поднялась в ритуальном жесте.

— Пусть Беатриса Борраска поднимется на холм Абвениев. Если ее ребенок от семени

Раканов, Ушедшие его признают, если нет, не о чем и говорить.

Ай да Богопомнящий! Ай да молодец! Все правильно! Жены анаксов, ожидая ребенка, проходят испытание, ведь Ракан может завещать Силу, которой владеет, лишь мужчине своей крови. Если Ринальди невиновен, Абвении оттолкнут Беатрису и ее дитя.

— Эория готова подняться на холм? — Голубые глаза Эридани не сулили ничего хорошего.

— Да!

— Что ж, — Эридани холодно взглянул на закутанную в четырехцветный плащ женщину и еще холоднее на брата, — быть по сему. Завтра утром эория Беатриса поднимется на холм Абвениев и докажет свою правоту. Если обвинение подтвердится, эпиарх-наследник предстанет перед судом высших эорийев. Если нет и если после этого обвинительница не докажет, что ее вынудили оклеветать брата анакса, судить будут ее. До того, как я данной мне властью разбуду силы Ушедших, обвинительница может отказаться от своего слова, а обвиненный признать свою вину, обретя право самому оборвать свою жизнь. И да вразумят Абвении того, кто лжет.

Ринальди пожал плечами и направился в сторону дворца. Перед ним расступались, как перед прокаженным, но эпиарх, кажется, этого не замечал. Четверо воинов, повинаясь взгляду анакса, подошли к Беатрисе. Неистовый, словно бы сжигавший ее изнутри огонь погас, остались страх и безнадежность. Бедная девочка, страшно подумать, что ей довелось вынести, если она решилась открыть свой позор и потребовать суда. Диамни Коро никогда не любил наследника и не верил ему, а после случая у храма Анэма стал бояться Ринальди. Теперь жизнь подтвердила его правоту, но художник дорого бы дал за то, чтобы ошибиться.

— Диамни, — ученик художника попытался улыбнуться, — завтра все прояснится.

— Безусловно. Эрнани.

Прояснится уже этой ночью. Анакс — хороший брат, и он все понял сразу, потому и отложил испытание до утра. Ночью Ринальди исчезнет из Гальтар, и остается молить Абвениев, чтобы негодяй сломал себе шею или убрался за Эврийский пролив.

— Диамни. я... Я должен поговорить с Ринальди. Если он не придет ко мне вечером, я сам схожу к нему, когда все уснут.

— Разумеется, Эрнани. Твое сердце делает тебе честь.

Ты придешь к запертой двери, мальчик, и там, наконец, поймешь, кого ты обожал столько лет.

7. Эпиарх

В комнатах Ринальди было темно и тихо, и Эрнани подумал, что, если брат виновен, его уже нет ни в Цитадели, ни в Гальтарах. Младший эпиарх все-таки прошелся молчаливой анфиладой. Ринальди всегда любил зеркала, но в темноте глядящие друг на друга глубокие стекла производили жуткое впечатление. Эрнани казалось, что он стоит на перекрестье ведущих в бесконечность коридоров, по которым в никуда бредут темные фигуры со свечками.

Это было страшно, юноша чувствовал на себе чьи-то взгляды, за его плечом стоял некто молчаливый, чужой и недобрый, и становилось все труднее убеждать себя, что все дело в обычном страхе человека перед ночью и пустотой. Слишком сильным было ощущение чужого присутствия в молчаливых, словно бы вымерших комнатах. Ринальди бежал, осталась пустота и что-то, чему нет названия.

Эрнани как мог быстро двинулся назад, туда, где были свет и живые люди, а не полные призраков зеркала. В своих комнатах ему стало стыдно пережитого ужаса — мало того, что он уродился калекой, он еще и трус! Испугаться тишины и повешенных друг против друга освинцованных стекол, мимо которых он проходил десятки раз! В безлюдности покоев эпиарха не было ничего загадочного, просто Эридани снял стражу, давая Ринальди шанс на

спасение. Эрнани подошел к заваленному свитками и рисунками столу и столкнулся, взглядом с Повелителем Ветра — взглядом Ринальди.

Младший из эпиархов Раканов так и просидел до утра, то вновь и вновь поглядывая на веселое и дерзкое лицо, то пытаясь читать о войне собак и кошек, но принесенная братом книга жгла руки и больше не смешила. Неужели Рино так нравилась поэма Номиритана. потому что кошачий повелитель Леофор Змеехвостый говорил то, о чем Рино думал? Кот издевался над собачьей верностью и честью, думал только о кошках и войне и устраивал подлые каверзы всем, кто его задевал. Леофор заманил в охотничий капкан отказавшую ему в любви лисицу и навел на ее лиса охотников! Эрнани стало стыдно, когда он вспомнил, как они с Ринальди смеялись над этой сценой. Разве брат поступил с Беатрисой иначе?

Юноша оттолкнул ставшую вдруг отвратительной книгу. Эридани прав, ее нужно запретить. И все-таки хорошо, что Ринальди спасся, может быть, в дальних краях он изменится к лучшему... Эпиарх взглянул в окно, потом на песочные часы. Пора собираться! Главное — не подать виду, что он знает об исчезновении брата. Чем позже будет послана погоня, тем больше шансов у Ринальди уйти. Эрнани быстро переоделся и послал за мастером Коро, чья помощь не унижала. Художник появился очень быстро — наверное, тоже не спал.

— Только не говори, что тебе очень жаль, — эпиарх постарался улыбнуться, — просто помоги добраться до места.

— Охотно, мой эпи... — мастер прервал себя на полуслове, — разумеется, Эрнани, я помогу. Я давно мечтал рассмотреть обелиски вблизи, а потом зарисовать. Это очень древнее место...

— Да, считается, что сначала появились они, потом — Цитадель и Кольца и уже последними Башни...

Они шли и разговаривали о древних Гальтарах и их неприступных стенах-Кольцах, не сложенных из камней, а словно бы выросших из земли. Мастер и эпиарх гадали, кому могли понадобиться башни без входа и выхода и что означают символы, выбитые на возведенных в незапамятные времена на вершине холма обелисках. Они говорили о чем угодно, но не о том неприятном и тяжелом, что необратимо приближалось. Ринальди исчез, и его позор ляжет на плечи его братьев. Дом Ветра не простит анаксу бегства насильника.

— Ну, ты же знаешь, — главное, не молчать, он должен говорить о брате, который, как всегда, проспал, но вот-вот появится, — Раканы пошли во всех Ушедших вместе и ни в кого в отдельности. И друг на друга мы тоже не походим. Ринальди говорил...

— Я много чего говорил, — Ринальди Ракан в придворной одежде стоял за спиной Эрнани и улыбался. Светлые волосы наследника украшала церемониальная диадема, но в руках эпиарх держал кожаный дождевой колпак, доверху заполненный спелыми черешнями.

— Рино!.. — Эрнани не находил слов. — Ты... Ты тут?!

— А где ж мне еще быть? — Братец отправил в рот пару черешен и протянул колпак Диамин: — Угощайся, мастер.

— Я заходил к тебе ночью... — пробормотал Эрнани. — Тебя не было. Никого не было.

— Я выходил в город, захотелось после вчерашнего развеяться. А ты никак вообразил, что я удрал?

— Что ты... — Эрнани смутился. — Я... я так и думал. Эридани убрал стражников, перенес испытание на утро... и потом эти свидетели и собака...

— Сколько раз можно говорить, что это не Гиндо! Похож, страшно похож, но не он. И потом Гиндо пропал полгода назад, мало ли в чьих руках он мог побывать... Как бы то ни было, мне жаль Лорию, хорошенький подарочек его ожидает!

«Хорошенький подарочек»... Борраска не переживет измены жены. Неужели все ложь и Ринальди невиновен? Похоже на то, виновные так себя не ведут.

— Извини...

— Это признак благородного происхождения, братец, — пожал плечами Ринальди. — Эории склонны верить любой гадости, сказанной о другом, но ужасно обижаются, когда в

гадостях обвиняют их. О, а вот и обвинительница! Сегодня она выглядит получше. Все-таки некоторым женщинам лучше не раздеваться...

Беатриса Борраска в сопровождении родичей Лорио поднялась на террасу. Обведенные темными кругами глаза эории смотрели куда-то вверх — то ли на обелиск Анэма, то ли в небо. Не верилось, что эта измученная девочка могла обнаженной, с растрепанными волосами пройти через весь город и потребовать суда над насильником, и еще меньше верилось, что она способна солгать.

Звуки флейты и барабана возвестили о появлении анакса и Абвениарха, за которым шли три беременные женщины — одна эория и две простолюдинки. На поясе Эридани висел церемониальный меч Раканов. Обычно брат носил при себе другое оружие, выкованное лучшими оружейниками Гальтар, а этот, широкий и короткий, висел в тронном зале. Там же хранились и венец и увенчанный мерцающим лиловым камнем жезл, который брат сжимал в руке. Реликвии повелителей Золотых Земель мирно спали веками, тая в себе древние силы, но сегодня они увидели солнечный свет.

Анакс хмуро оглядел глав Высоких Домов, обвинительницу и братьев. При виде Ринальди его тяжелые веки едва заметно дрогнули.

— Эория Беатриса, подтверждаешь ли ты свое обвинение? Если, тебя силой или обманом вынудили взойти на чужое ложе и обвинить невинного, мы прощаем твой грех вольный и невольный в обмен на имя истинных виновников.

— Мой анакс, — Беатриса начала едва слышно, но потом возвысила голос, — я подтверждаю обвинение. Я подтверждаю, что эпиарх Ринальди из рода Раканов похитил меня и полгола продержал в своем убежище. Я подтверждаю, что он силой овладел мною и брал меня еще и еще, пока не убедился, что я забеременела. Я подтверждаю, что отец ребенка, которого я ношу, — эпиарх Ринальди... Я... Я понимаю, какую боль это принесет моему супругу и тебе, мой анакс. Я бы отреклась от своих слов, если бы Ринальди Ракан не был наследником престола, но... Но человек, поступивший... сделавший это со мной, способен на все. Он не должен носить титул наследника... И поэтому я обвиняю его! Я готова пройти испытание, и я говорю правду, клянусь Ундом и Анэмом!

— Брат наш Ринальди, — Эридани говорил чуть медленнее, чем обычно, и Эрнани понял, что каждое слово дается брату с трудом, — продолжаешь ли ты настаивать на испытании или признаешь обвинение?

— Мне жаль Лорио Борраску. — в голосе Ринальди не было обычной насмешки, — но я не желаю приносить свою честь в жертву его покою. Я не трогал эту женщину ни по ее добродушию, ни против ее воли.

— Я слышал. Что ж, боги ушли, но их сила и их кровь с нами и в нас. Они дадут ответ, истинный и единственный: Братья мои, идите за мной.

Анакс начал медленно подниматься по пологой лестнице, его братья двинулись за ним. Лестница кончилась, и наследники Ушедших вступили на вершину холма Абвениев. Плоская, словно срезанная ножом, она была замощена четырехугольными каменными плитами, менявшими цвет в зависимости от освещения. По углам площадки возвышались четыре стелы, похожие на воткнутые острием вверх каменные мечи, на лезвиях которых были выбиты символы Ушедших богов. Считалось, что именно с вершины мечей Ушедшие в последний раз смотрели на оставляемые ими Гальтары, а внизу, у подножия холма, находилась знаменитая Дорога в один конец — вход в бесконечные подземные лабиринты. Лишь с дозволения анакса и в его присутствии эории могли подняться на вершину мечей, и лишь анакс мог открыть дверь в загадочное подземелье.

Эридани размеренным шагом подошел к центру площадки, жестом указав братьям на место позади себя. Это было неписаным законом — когда глава дома Раканов призывает Силу, мужчины его крови находятся рядом. Эридани поднял глаза к кебу и словно бы окаменел. Он не делал ничего, что обычно проделывают маги — не чертил сложных фигур, не размахивал посохом, не выкрикивал непонятных слов, не разбрызгивал эликсиров, а просто стоял и ждал ответа, и ответ пришел. Знаки на лезвиях мечей начали светиться,

сначала слабо, потом все сильнее. Они словно бы отделились от камня, превратившись в сотканые из лучей узоры.

Изменились и сами мечи, теперь они казались отлитыми из золота, но по мере приближения к острию к золотому свечению примешивалось багровое, вызывая в памяти то ли кровь, то ли отблески немеркнувшего Заката, в который ушли защитники Кэртианы. Эридани поднял жезл и с силой вогнал в плиту у своих ног. Металлический стержень вошел в камень, словно в масло, полыхнул вделанный в рукоять кристалл, к нему устремились сорвавшиеся с клинков багровые лучи. Эрнани моргнул и не заметил, как из пяти лучей возникла кровавая дорожка, протянувшаяся от ног анакса к лестнице.

— Женщины, — Эрнани видел лишь спину брата, голос анакса был бесстрастен, — поднимитесь и пройдите дорогой Заката.

Первой на тропу шагнула рыжеволосая красавица. Эрнани знал ее — жена одного из вассалов дома Молнии. Луч, стекший с клинка Астрапа, и зеленое сияние Унда окутали будущую мать нежным ореолом. Женщина, несмотря на беременность, двигалась грациозно и мягко, словно кошка, она принадлежала к дому Волны и, несмотря на веселый нрав, была верна своему мужу. Вторая и третья женщины не смогли пройти невидимый барьер — они были служанками и ожидали детей от таких же простолюдинов, вход на холм Абвениев был им заказан. Беатриса поднялась последней, трое ее предшественниц лишь доказали, что Ушедшие ответили на призыв анакса. Настоящее испытание начиналось лишь теперь.

Эрнани с колотящимся сердцем следил за синей фигуркой, которой огромный живот придавал странную нелепую трогательность. Эория Борраска ступила на дрожащую пламенную дорожку, и ничего не произошло. Ничего удивительного в этом не было — Борраска женился на девушке, в которой не было крови Абвениев, но она забеременела от эория и потому смогла войти на террасу Мечей. От эория, но от кого?!

Женщина сделала шаг, второй, третий. Четыре световых лезвия рванулись навстречу друг другу и столкнулись над головой обвиняющей, сплестясь в некое подобие огненного венца. С синим цветом Анэма сплеталось серебро Лита, а червонное золото Астрапа сменялось изумрудами Унда. Беатриса Борраска носила под сердцем ребенка Ракана.

Эридани стремительным жестом вырвал жезл из камня, и все погасло. Женщина доказали свою правоту и свою невиновность. Анакс, не говоря ни слова, подхватил Эрнани под руку и повел с собой, даже не глядя на Ринальди. Младший эпиарх был ему за это благодарен — опираться на руку насильника и клятвопреступника он не мог.

Анакс заговорил, лишь достигнув нижней террасы.

— Ринальди, — никогда еще старший брат не казался таким усталым, — у тебя была целая ночь, почему ты не... Теперь я вынужден передать тебя суду эориев. — Эридани вздохнул и, все еще не выпуская плеча Эрнани, совсем другим голосом, уверенным и властным, произнес:

— Стража» взять его. В цепи!

8. Мастер

Ринальди, как никогда, походил на леопарда, обложенного охотниками, — смертельно опасный и невероятно красивый. Диамни понимал, что обуявшее его вдохновение и восторг по меньшей мере неуместны, но ничего не мог с собой поделать. Завтра ему будет жаль Эрнани, Беатрису, ее седого мужа, завтра он припомнит подробности услышанного и содрогнется от низости и злобы, до которой может опуститься человеческое существо, но это потом, а сейчас он будет рисовать, рисовать и рисовать.

Художник не отрывал взгляда от подсудимого, схватывая каждый жест, каждое выражение, каждый поворот головы. Для нового храма Лэнтиро понадобится вождь солнечных демонов, и лучшей модели не найти. Более того, в глубине души Диамни уже решил на собственную картину. На ней будет пленный демон, стоящий перед Абвениями.

Мастер Коро, как истый ученик великого Сольеги, отойдет от привычной абвениатской композиции и не станет рисовать победителей — их присутствие должно ощущаться, не более того. Единственной фигурой, выписанной в мельчайших подробностях, вплоть до выпавшей ресницы на щеке, будет Враг. Он будет злым, гордым, упрямым, ненавидящим и побежденным. Именно побежденным! Те, кто увидит картину, должны понять, что с подобным существом, оскорбившим свое совершенство, все кончено раз и навсегда и что оно заслуживает своей участи, несмотря на красоту и силу. О нем можно сожалеть, но его нельзя прощать и им нельзя восхищаться. Художник рисовал, а суд шел своим чередом. Анакс о чем-то расспрашивал хрупкую женщину в синем, что-то говорили какие-то люди, вероятно свидетели, очень долго вещал высокопоставленный абвениат, которому Диамни был искренне благодарен, так как его увещевания вызвали у Ринальди смех. Как он смеялся! Художник жалел лишь о том, что не в его власти останавливать мгновение — смеющийся Враг стал бы истинным шедевром! А может, написать несколько картин, повествующих о суде Абвениев над гордыней, жестокостью, подлостью и завистью, показав, что есть вещи, которые нельзя прощать и о которых нельзя забывать?

Три дня пролетели незаметно, Диамни почти не спал, ел только то, что ему подставляли под нос, но был преисполнен сил. Выйдя из Палат Справедливости, художник мчался к себе, благословляя судьбу, что ему дозволено жить в Цитадели и можно не тратить время на дорогу в город Ветра. Наскоро переодевшись. Диамни бросался к своим эскизам, восполняя по памяти то, что не успел зарисовать сразу. Кипа рисунков росла, но художнику было мало, его расспрашивали о том, что происходит за массивными, украшенными знаками четырех стихий дверями, он односложно отвечал, что улики неопровержимы, но Ринальди Ракан отрицает свою вину. Подробностей мастер Коро почти не помнил, то есть не помнил, кто и что говорил, зато мог дать полный отчет о каждом жесте или взгляде обвиняемого.

Художник очнулся только к вечеру третьего дня, когда все было кончено. Суд эориев признал Ринальди Ракана виновным в насилии над супругой главы дома Ветра, лжи перед лицом Высоких Домов, анакса и Ушедших. Именем Скал, Волн, Ветра и Молний насильник был приговорен к смерти. Это означало бой осужденного с эориями, пока кто-нибудь из потомков Ушедших не положит конец земной жизни преступника. Право начать смертельный поединок выпадало Лорио Борраске.

— Борраске конец, — прошипел сидевший рядом с Диамни толстяк-абвениат, — годы не те, да и противник хуже не придумаешь.

Монах был прав. Достаточно было взглянуть на Ринальди, светившегося вызовом и жаждой боя, чтобы понять — оскорбленный умрет раньше оскорбителя. Художник вспомнил сцену у храма, когда Ринальди швырнул в стену эсператистского проповедника. С такой силой и гордостью эпиарх уложит десяток ни в чем не повинных людей, прежде чем устанет и совершит ошибку. Дурацкий закон, он обрекает на смерть не только виновного, но и невинных. Можно подумать, Борраске и его жене и так мало горя!

Палату Справедливости затопила тишина. Мастер Коро навеки запомнил солнечные лучи, бьющие в стекла витражей, неправдоподобно высокий зал, обшитый темным резным дубом, ощущение неотвратимости беды. Беатриса казалась бледным полуночным призраком, вызванным безжалостным заклинателем среди бела дня. Борраска выглядел немногим лучше, хотя лицо его и было исполнено решимости. Его будущий убийца был спокоен, только бешено горели изумрудные глаза. Диамни невольно вспомнил «Уходящих» мастера Сольеги: на картине у повелителя Волн глаза были такие же, как у Ринальди Ракана, — огромные, широко расставленные, цветом напоминающие лучшие кэналлийские изумруды. Но разве взгляд Ушедшего бога, исполненный любви и горечи, можно было назвать взглядом загнанного леопарда?! Нет! Наши тела, совершенные или уродливые, всего лишь сосуды для наших душ.

Гулко прозвенел гонг, и снова все стихло. Поднялся анакс. По закону, оглашая смертный приговор, повелитель Ракан должен снять венец, но Эридани этого не сделал.

— Эории, — сильный и ровный голос Эридани, отражаясь от высоких сводов, и впрямь

казался голосом высшей воли, — ваше решение справедливо. Приведенные доказательства неоспоримы. Ринальди из дома Раканов заслуживает страшной кары, но он не просто зорий. Он — наследник трона, прямой потомок всех Ушедших богов. Отказываясь признать свою вину перед лицом смертных судей, он отдает себя высшему суду. И да решат его судьбу владыки Скал и Ветра, Волн и Молний. Завтра Ринальди Ракан, скованный и обнаженный, спустится в лабиринты. Я, анакс Золотых Земель, Эридани из рода Раканов, замкну Капкан Судьбы, и пусть свершится воля Ушедших.

Беатриса Борраска вскрикнула и обхватила шею своего мужа, в первый раз за эти страшные дни дав волю чувствам. Эрнани вскочил и сразу же упал на место, словно его толкнули

Энио Марикьяре сотворил знак, отвращающий зло, кто-то позади Диамин истерически захохотал.

— Да будет так, — произнес Абвениарх, возводя к небу руки, — да будет Ринальди ввергнут в лабиринты и да решится судьба его там, а мы умываем руки и молим Ушедших о возвращении и милости.

— Но не вымолите ее!

Художник обернулся и увидел вскочившего Ринальди. Ледяное изваяние исчезло, теперь осужденный напоминал ожившую молнию. Обычно ненависть уродует, но эпиарх-наследник был прекрасен даже в ненависти.

— Ты! — В Палате Правосудия было около двух сотен человек, но эпиарх видел только анакса. — Ты мой брат по крови, так будь же ты проклят этой самой кровью и моей невиновностью до последнего своего потомка! Пусть твое последнее отродье четырежды пройдет то, что по твоей милости прохожу я! Ему будет хуже, чем мне, ведь на нем повиснут беды и подлости всех его предков, начиная с тебя. Он ответит за всех, слышишь, ты, анакс проклятых?! Невиновные будут платить за виновных и не расплатятся. А я вернусь и посмотрю, как они проклинают тех, кому обязаны своей участью. Да падут эти проклятья на твою душу, Эридани Ракан. где б она ни была, на твою душу и души всех твоих сообщников!

Лицо анакса дрогнуло, но ответить брату он не успел. Порыв ветра с шумом распахнул одно из забранных цветными витражами окон, открыв кусок черно-синего предгрозового неба. Несмотря на тяжелые низкие облака, Цитадель заливал нестерпимо яркий свет, видневшиеся в оконном проеме стены и честь Ветровой башни казались ослепительно белыми. Затем на Цитадель опустилась чудовищная давящая тишь, и в Палату Справедливости медленно и величественно всплыл багровый огненный шар размером с кошку. Немного задержавшись над судейским столом, он уверенно двинулся к Ринальди, постепенно меняя цвет с закатно-красного на оранжевый, желтый и, наконец, зеленый.

Когда небесный гость поравнялся с лицом Ринальди, он светился той же таинственной глубокой зеленью, что и взгляд осужденного эпиарха. Сгусток изумрудного огня какое-то время провисел на расстоянии двух ладоней от лица Ринальди, словно вглядываясь ему в глаза, затем замерцал, распался на тысячи искр и исчез. Эпиарх расхохотался, и тут же снаружи раздался оглушительный удар грома и хлынул проливной дождь

Это было совпадением! Служители плохо закрыли окно, а порыв ветра... Порыв ветра? Не тот ли это ветер, что помог Ринальди отшвырнуть эсператистского фанатика на невозможное для человека расстояние и трепал волосы эпиарха, когда даже легкие девичьи ленты на ограде храма безжизненно висели? Диамни словно наяву увидел эту картину — замершая площадь, неподвижная вечерняя жара и развевающаяся золотистая грива. Раканы наделены Силой, исходящей от Ушедших. Говорят, она подвластна лишь анаксу, но так ли это?

Осужденного увели. Он шел спокойно и устало, как воин, сделавший свое дело. Когда Ринальди и его стражи скрылись из глаз, все вокруг зашевелилось. Палата Справедливости стремительно пустела. Люди разбегались, стараясь не глядеть друг на друга и не замечая хлещущего как из ведра ливня. Диамни был ничем не лучше остальных. Ему следовало отыскать Эрнани, но художник опрометью бросился домой. Он понимал, что поступает

трусливо и бесчестно, но был слишком подавлен и напуган, чтобы стать для кого-то поддержкой.

Лабиринты! Бесконечные подземелья, начинающиеся под городом и уводящие в глубь земли, куда по преданию Ушедшие загнали Изначальных Тварей — злобных, полуразумных и ненасытных первых обитателей этого мира. Где-то в подземной паутине скрыт храм Абвениев, где до сих пор горит пламя, питающее Силу Раканов и поддерживающее стены Цитадели и Кольца Гальтар. Они будут стоять, пока горит огонь, а пока стоят они, устоит и Кэртиана.

В подземных переходах и галереях продолжается эпоха Абвениев, кабитэлские еретики утверждают, что там до сих пор бродит возлюбленная Повелителя Волн, дожидаясь его возвращения. Наверху миновали тысячелетия, а для нее он ушел вчера. В Гальтарах же поговаривают, что в лабиринтах творятся странные и страшные дела.

Очень долго входы в подземелья были открыты, люди в здравом уме и твердой памяти туда не заходили, но чем дальше уходили времена Абвениев, тем смелее и нахальнее становились смертные. Искатели сокровищ, преступники, несчастные влюбленные стали спускаться в пещеры, и больше их никто не видел. Зато всякий раз, когда в лабиринте исчезал человек, в Кэртиане объявлялось чудовище. То ли подземелья, забирая одних, отдавали верхнему миру других, то ли оказавшиеся внизу меняли свое естество, становясь подобием Изначальных Тварей.

Шестьсот лет назад маг-анакс Тайрани Ракан с огромным трудом выследил и уничтожил вырвавшегося из подземелий оборотня-убийцу. После победы Тайрани создал Капканы Судьбы — магические замки, подвластные только тому, кто их запер, и превращавшие любого коснувшегося хоть бы и через полу плаща запертых дверей в живую статую.

Анакс собственноручно закрыл все входы и выходы в лабиринты. С тех пор в подземелья по доброй воле не входил никто, но дважды Дорогой в один конец уходили Раканы, обвиненные в государственной измене и не признавшие своей вины. Теперь настал черед Ринальди. Страшная судьба, но он ее заслужил. Погибнет только преступник, а старик Борраска и другие эории уцелеют. Эридани поступил справедливо и мудро, решив судьбу брата таким образом, но как же ему, должно быть, тяжело.

Как всегда, когда на душе у молодого художника было особенно худо, он решил навестить Лэнтиро. Нужно показать мастеру наброски, посоветоваться о картине, посмотреть, как продвинулись вперед «Уходящие», и, в конце концов, он сегодня не в состоянии сидеть в своих комнатах и тем более не в состоянии видеть Эрнани. Да, это трусость, но художник не обязан быть смелым и милосердным, он не воин и не абвениатский утешитель.

Диамни торопливо собрал скопившиеся за последние дни рисунки, накинул плащ и покинул Цитадель.

Город казался настороженным и взъерошенным, словно одичавшая кошка. Немногочисленные прохожие торопливо шагали по своим делам, стараясь держаться поближе к стенам домов. Гальтарцы уже знали и о приговоре, и о проклятии. Знал все и мастер — видимо, постаралась домоправительница, которая выбалтывала все новости чуть ли не до их появления.

— Ты мне не нравишься, — старый художник внимательно посмотрел на своего ученика, — хотя сегодня мне не нравится никто, даже я сам. Боюсь, нам опять придется пить. На сей раз для храбрости,

— Я готов, — через силу улыбнулся Диамни и торопливо добавил: — Я принес наброски... Их много, я не успел отобрать.

— Хотелось побыстрее удрать из Цитадели? — Сольега, как всегда, попал в точку. — Давай! Чем больше рисунков, тем лучше. Ты рисуешь лучше, чем выбираешь.

Диамни молча протянул наброски учителю и тихонько сел рядом. Сердце художника отчаянно колотилось. Так было всегда, когда Лэнтиро смотрел его работы. Каков будет

притвор? Коро надеялся на лучшее и отчаянно боялся худшего. Если Лэнтиро скажет «нет», картины не будет, хотя бы все остальные художники мира сказали «да».

Молодой человек с волнением наблюдал за лицом мастера, а тот внимательно и неторопливо изучал рисунок за рисунком. Смотрел, возвращался назад, снова смотрел, принимался выискивать в общей пачке какой-то из эскизов. У Диамни отлегло от сердца: если Сольега что-то отвергал, он делал это сразу, и он никогда еще не рассматривал работы своего ученика так долго. Значит. «Демон» будет! Наконец Лэнтиро отложил наброски.

— Достойно, весьма достойно.

— Благодарю, мастер.

— Это я должен тебя благодарить. Ты не просто смотрел? ты чувствовал сердцем. Так Ринальди Ракана осудили?

— Да.

— Диамни. — что-то в голосе Лэнтиро заставило молодого человека напрячься, — ты ручаешься за точность изображенного? Ты провел эти дни в судебной палате, а не в кабаке? Ты рисовал то, что видели твои глаза, или то, что слышали твои уши?

— Клянусь Вечностью, я сидел очень близко, свет падал на обвиняемого. У него замечательное лицо! Именно таким должен быть Враг — прекрасным и вместе с тем страшным, лживым и жестоким. Счастье, что Ринальди сохранил одно и то же положение — у меня никогда не было такого натурщика...

— Мой мальчик, — старый художник накрыл руку ученика соей, — я не сомневался ни в твоей честности, ни в твоём мастерстве, но прежде чем сказать тебе то, что я скажу, я должен убедиться, что на тебя никто не влиял. Я имею в виду никто из тех, кто был на стороне Ринальди.

— Но на его стороне никого не было и не могло быть.

— Ты ошибаешься, мальчик. На его стороне был ты.

Мастер не может ошибаться, но... Ушедшие в Закат, что же такое сказал Лэнтиро? Как он, Диамни Коро, может быть на стороне насильника?! Или мастер считает, что и изображенное лицо слишком совершенно? Но Ринальди и впрямь нечеловечески красив

— Мастер, я... Я все передал точно, у Ринальди на самом деле абсолютно правильные черты, я ему не льстил.

— Верю, но я говорю не о внешней красоте, хотя этот человек наделен ею в полной мере. Он невиновен, Диамни. Для меня это столь же очевидно, как то, что он красив. Твой разум был в плену, но твои глаза и твоя рука тебя не подвели. Вглядишься еще раз в лицо, которое ты нарисовал. Внимательно взглядишь! Выброси из головы все, кроме того, что видишь. Я даю тебе пять минут, — мастер перевернул песочные часы, — а потом мы поговорим.

Диамин кивнул. Он знал, что от него требовалось. Сольега научил его смотреть, отринув лишние мысли, и молодой человек впился взглядом в разбросанные на столе рисунки.

Совершенное лицо, обрамленное светлыми, слегка волнистыми волосами... Анфас, профиль, пол-оборота, три четверти. Дерзкая улыбка, упрямый подбородок, чуть впалые щеки, четкая линия скул, широко расставленные глаза, глаза... удивленного ребенка! Он не верит тому, что с ним случилось, не понимает, как здесь оказался и что происходит. Почему ему никто не верит, почему ему не верят те, кто знает его с рождения?..

— Время вышло, Диамни. — Старый художник пристально смотрел на своего ученика. Если мастер Коро когда-нибудь осмелится изобразить аллегория Совесть, это будет пожилой усталый человек со взглядом учителя, — Что скажешь?

— Он не виноват. Он ничего не понимает и боится, хотя и не подает виду.

— Да, бедняга умрет с гордо поднятой головой, наговорив судьям всяких гадостей, умрет невинным. Жаль. У него золотое сердце, у этого эпиарха. Диамни, его нельзя бросить это безбожно!

— Мастер, что мы можем?! Завтра его запрут в катакомбах, оттуда не выберешься.

— Ринальди здоров и силен, если будет знать, куда идти, — выйдет. Или погибнет, но это лучше, чем медленно умирать, зная, что тебя все прокляли и бросили. Ты должен с ним переговорить наедине. Попроси Эрнани. Скажи... Скажи, что должен закончить картину.

9. Эпиарх

Каждая из двухсот двадцати ступенек Ветровой башни была пыткой, но Эрнани взобрался. Конечно, он мог приказать привести Ринальди к нему, но младший из эпиархов Раканов не был уверен, что стражи его послушают. Скорее всего, побегут спрашивать совета у Эридани, а тот... Тот слишком анакс, он не разрешит свидания с осужденным наедине. Ушедшие, ну почему Ринальди упорствует в своей ненависти? Содеянного не исправишь, но раскаяние и прощение освещает дорогу уходящим во тьму.

Признавшемся и покаявшемся разрешают покончить с собой, но Ринальди не признается. Эрнани знал упорство брата и знал, что должен сделать. Булавка с ядом! Один укол, и Ринальди свободен от суда земного. Конечно, Эридани догадается, догадаются и другие, но родство по крови обязывает, и, в конце концов, он не анакс, а всего лишь младший сын, калека, какой с него спрос.

Стража у дверей если и удивилась приходу эпиарха, то виду не показала. Все стало понятно, когда высокий светловолосый стражник вместо того, чтобы потянуться за ключами, постучал в обитую медью дверь. Тюремщики были не только снаружи, но и внутри — угрюмый воин и монах-утешитель с приторным лицом.

— Мой эпиарх!..

Ринальди спал, повернувшись к двери спиной, а может, не спал, а делал вид.

— Да, я, — сказал Эрнани. — Оставьте нас!

— Это невозможно. При осужденном днем и ночью должны находиться не менее двух человек. Я могу отослать воина, но сам останусь,

— Я желаю говорить с братом наедине, и я буду говорить. Приказ анакса. Если желаешь, пошли к моему августейшему брату воина, я подожду.

Эрнани Ракан никогда не лгал, это было известно всем. Утешитель поклонился:

— Да будет так, как желает мой анакс. Мы покидаем вас.

— Ждите за дверью, — бросил Эрнани, — наш разговор вряд ли затянется.

Охрана не должна покидать башню — существует ничтожная вероятность, что обман разоблачат, прежде чем... Рука Эрнани произвольно дернулась к воротнику, украшенному усыпанной алыми роями серебряной розой.

Тяжелая дверь захлопнулась. Братья остались одни. Ринальди уже не лежал, а сидел, придерживая рукой цели.

— Ринальди... — пробормотал Эрнани.

— Рад тебя видеть. — Настороженный, выжидающий взгляд, раньше он смотрел иначе. — Что велел передать мой венценосный брат?

— Ничего. Я соврал, чтобы они ушли. Я должен был тебя видеть. — Эрнани проковылял к узнику и опустился рядом, задев холодное железо. — Какие тяжелые... Зачем?

— Видимо, так надо. — Ринальди улыбнулся одними губами. — Чем страшнее обвинение, тем толще цепи. Ничего, перед казнью наденут другие, полегче.

— Рино, — юноша замаялся, но продолжил довольно твердым голосом: — Ты знаешь, я ведь калека... Я не хотел жить таким...

— Глупости. Жизнь прекрасна, даже если она невыносима! У тебя неприятности?

— У меня? Ринальди... Неужели ты не понимаешь, что тебя ждет?

— Меня ждут катакомбы, — ровным голосом сказал эпиарх, — тьма, холод, возможно, чудовища и наверняка смерть. Я все прекрасно понимаю, но это не повод для рыданий.

— Почему ты не признаешься, ну почему?!

— Проклятье, да потому что не трогал эту шлюху! Хорош бы я был, если б взял на себя

ее шашни.

— Беатриса — не шлюха! Ее мучили, пытали...

— Ну так возрыдай на ее горести, а чего ты хочешь от меня?

— Рино, я понимаю. Ты... Ты сначала не хотел ничего дурного, просто зол на старика, что он тебя не взял. И ты терпеть не можешь, когда тебе перечат. Когда Беатриса тебе отказала, она... Она, наверное, сказала что-то ужасное, оскорбительное, и тебя понесло. Как с тем проповедником, помнишь, ты рассказывал?

— Помню, — взгляд узника стал холодным, — что было, то было. Но до жены Борраски я не дотрагивался.

— Но она беременна от тебя!

— Значит, это она дотрагивалась до меня, когда я был пьян. Мало ли женщин забирались ко мне в постель.

— Зачем ты лжешь? — выкрикнул Эрнани. — Я пришел помочь тебе, а ты...

— Мы знакомы семнадцатый год, Эрнани из рода Раканов. Если ты веришь в мою вину, нам говорить не о чем.

— Ринальди, а как мне не верить? Как?! Ни одно твое слово не подтвердилось, тебя обвинили не только Беатриса, но и ее слуги, твоя подруга, даже твоя кровь!

— Как не верить? Похоже, никак. Я не настолько добр, братец, чтобы ради твоего спокойствия признаться в подлости, которую не делал.

— Ради моего спокойствия?! — подался назад Эрнани. — Спокойствия?!

— Разумеется, ты бы с чистой совестью проводил меня в пещеры, ибо это справедливо, а потом принялся меня оплакивать, ибо я твой брат. Разве не так?

— Ты сошел с ума!

— Напротив, никогда не был в столь здравом рассудке, как сейчас. Эридани раздулся от осознания собственной праведности. Еще бы, осудил родную кровь! Великий анакс! Справедливый анакс! Неподкупный анакс! А тебе ужасно хочется стать всеобщим утешителем, но мне ни от тебя, ни от Эридани не нужно ничего. Слышишь? Ничего! Ни поучений, ни прощений. Но и я вас не прошу.

— Тогда мне лучше уйти...

— И впрямь лучше, — согласился Ринальди, — меня тошнит от твоего присутствия, а каяться я не собираюсь. Не в чем, знаешь ли...

Эрнани вскочил и забарабанил в дверь. Открыли тотчас. Подслушивали? Вряд ли. Слишком толстые доски и слишком много народа.

— Мой эпиарх, — утешитель обращался к Эрнани, как к наследнику, — уже уходите?

— Да, — вздернул подбородок юноша, — я сказал то, что был должен.

А что он был должен? Вырвать у Рино признание? Кому это нужно? Ринальди виновен, в этом нет сомнения, почему же он нападает, и не защищается? Брат умрет в коридорах лабиринта, страшно умрет, но он сам виноват. Откуда в нем столько злобы, лжи, презрения ко всему святому, ну откуда?!

— Мой эпиарх, вам помочь спуститься?

— Нет. Я сам.

Эрнани и в самом деле спустился сам, хотя дважды едва не упал, настолько узкой и неудобной была лестница. Рассказать Эридани о встрече? Зачем? Хотя, если правда, так или иначе, всплывет, он не станет лгать, просто не скажет о булавке с розой. В конце концов, она еще может пригодиться ему самому, а Ринальди избрал свою участь сам. Его не спасти...

10. Мастер

Эрнани сидел у окна, на его коленях лежала раскрытая книга, но вряд ли юноша думал о том, что в ней написано. На скрип двери он обернулся и широко раскрыл глаза, став неимоверно похожим на Ринальди.

— Диамни... Я думал, урока сегодня не будет.

— Его и не будет. — Художник сел напротив своего ученика. — И все-таки я пришел ради живописи.

— Да?..

Дети Заката, сколько безнадежности в этом голосе! Бедняга был бы счастлив, узнав правду, но тот, кто подстроил Ринальди ловушку, знал все о том, что происходит во дворце. Нельзя рисковать. Тот, кто слушает, если он, разумеется, слушает, не должен сомневаться, что Диамни Коро думает только о картине, на которой Ринальди суждено изображать демона.

— Эрнани. надеюсь, ты меня поймешь. Возможно, сочтешь безумцем, но поймешь. Для меня главное в жизни — искусство. Мир, война, любовь — это для других. Я живу лишь тем, что переносу на свои холсты...

— Да, я знаю. Чем я могу тебе помочь?

— Я не успел закончить эскиз. Суд оказался слишком коротким...

— Я... Я не понимаю тебя...

— «Возгордившийся» был бы моей лучшей работой, если бы я успел зарисовать лицо Ринальди в три четверти. Сначала мне казалось, что лучше сделать в фас и поместить его в центре композиции, но вчера, вернувшись домой, я понял, как ошибался. Это открытие перевернуло всю мою жизнь. — Боги, оказывается, можно говорить правду и при этом чудовищно лгать! Вчерашний вечер и впрямь все изменил. Сумасшедший художник умер, и даже Абвении не знают, кто родился. — Эрнани, я должен увидеть эпиарха Ринальди и зарисовать его лицо в три четверти.

— Ты... Ты хочешь пойти в башню и... И рисовать моего брата?!

— О да, — подался вперед Диамни, — ведь завтра будет поздно.

— Завтра будет поздно, — медленно повторил Эрнани. — Да... завтра будет поздно. Я никогда не смогу научиться рисовать, потому что... Потому что не могу заменить жизнь холстом. Я — живой, пусть больной, пусть слабый, но живой, а ты — нет...

— Возможно, — Пусть Эрнани его возненавидит, но он добьется свидания. — Однако живые становятся мертвыми, а искусство вечно.

Юноша ничего не ответил, молча изучая художника так, словно видел его впервые. Послышался шум, что-то стукнуло — похоже, ударили деревом о камень, скрипнула дверь. Кто-то пришел, а он не успел добиться своего. Теперь Эрнани воспользуется случаем и прекратит мучительный разговор. Неужели придется сказать правду? Видимо, так. Он вернется позже и скажет все как есть...

— Мне надо поговорить с тобой, брат. — Эридани Ракан стоял на пороге, а стук... Стражники ударили древками копий в пол, приветствуя повелителя.

— Хорошо, — худенький светлоглазый мальчик, который вот-вот станет наследником престола, поднялся, приветствую анакса, — я готов. Диамни просил разрешения навестить... ему нужно закончить картину...

— Какую?

— «Возгордившегося».

— Что ж, он прав, — губы Эридани сжались, — тебе придется учиться безжалостности, Эрно. Для анакса, если он анакс, так же, как и для художника, если он художник, существует только главное. Для анакса — государство, для художника — картина. Мастер, то, что нужно для рисования, при тебе?

— Да, мой анакс.

— Сколько времени тебе понадобится?

Пять минут, чтобы сказать правду, и полтора часа, чтобы ее скрыть.

— Не менее трех часов, государь,

— Они у тебя будут. Можешь идти прямо сейчас. Каннио! На пороге появился человек, похожий на волкодава.

— Отведи мастера Диамни к эпиарху Ринальди. Он будет рисовать.

...Коро готовился спуститься вниз, а его повели вверх. Подъем казался бесконечным, узкая лестница кружила и кружила, ноги едва помещались на стертых ступеньках. Наконец они пришли. Еще одно разочарование! Стражник не стал греметь ключами, отпирая замки и отодвигая засовы, а забарабанил в окованную бронзой тяжеленную дверь, которая тотчас распахнулась, и на пороге вырос хмурый высоколобый монах, больше похожий на ученого, чем на палача.

— Вот, — заявил стражник, — художник... Прислали... Демона рисовать.

— Приветствие мастеру, — высоколобый был учтив и равнодушен, — надеюсь, света тебе хватит.

Эта башня была мечтой любого художника. Восьмигранная комната с восемью окнами, сквозь которые лился яркий летний свет. Ни сырости, ни решеток, ни жалкого свечного огарка. Оковы, правда, были. Видимо, тюремщики опасались, что узник наложит на себя руки.

Ринальди полулежал на ворохе прикрытого овчинами сена посередине помещения. Руки, ноги и горло эпиарха охватывали толстые железные обручи, к которым крепились цепи, протянувшиеся от ввинченных в пол колец. Узник мог лежать, сидеть, даже встать на колени, но ему не удалось бы ни разбить голову о пол или стену, ни броситься в окно. Но и этого было мало. Осужденного лишили даже одиночества — в комнате, кроме высоколобого утешителя, находился страж, откровенно скучавший у южного окна.

— Это мастер Диамни, — видимо, высоколобый счел уместным объяснить Ринальди появление нового лица, — он будет рисовать. По приказу анакса. Мастер Коро, ты уж сам выбери, где сесть. Он, — монах кивнул на узника, — тебе не помощник.

Если бы Диамин пришел рисовать, он сел бы у северного окна и нарисовал потрясающую картину, но художник думал о другом. Как спроводить тюремщиков, как сказать скованному золотоволосому парню, что он друг, а не чудовище, у которого вместо сердца дощечка для растирки красок.

— Мой эпиарх, я прошу твоего разрешения.

Ринальди медленно — мешал ошейник — повернулся к художнику.

— Рисуй, если это тебе нужно. Мне остаться как есть или повернуться?

— Лучше слегка повернуться... Вот так... Теперь свет падает идеально, а мне нужно подчеркнуть линию скул. У тебя совершенное лицо, мой эпиарх.

— Да, когда-то я был им доволен. — В широко расставленных светлых глазах не было ни страха, ни сожаления, ни надежды. Ринальди уже переступил ту грань, которая разделяет живых и мертвых.

Говорить больше было не о чем. Диамни слегка поклонился и пристроился на предложенном утешителем табурете. Художник рисовал, эпиарх полулежал, глядя то ли в небо, то ли, в никуда. У воспитанника мастера Сольеги никогда не было такого натурщика — совершенная красота и совершенная неподвижность. Ринальди уже умер, умер вчера, когда от него отвернулись братья, зории, любовница. Диамни был свидетелем агонии, парня зря заковали, он безопасен, потому что, ничего не хочет — ни жить, ни мстить.

Уголь летал по белому листу, десятому или двенадцатому по счету. Поток света слегка сместился, но так стало еще лучше. Что же делать, что?!

— Мастер Диамни, — негромко сказал высоколобый, — при узнике должно находиться не менее двух человек. Мне нужно... гхм... отлучиться на... несколько минут. Я не стану приглашать стражника, если ты пробудешь здесь еще полчаса.

— Да-да, конечно... Мне еще долго... — рассеянно пробормотал художник, не отрывая взгляда от рисунка. Второго можно ударить, он даже не поймет, что случилось. Сколько же у них времени? Вряд ли больше двадцати минут, но не меньше десяти.

Скрипнула дверь. Замечательная толстая дверь, окованная медью, не имеющая окошечка. Диамни уронил уголек и, наклонившись за ним, глянул на стражника. Тот дремал, привалившись к спине. Рот полуоткрыт, по руке гуляет муха.

— Воин... — вполголоса произнес художник. — Воин не соблаговолит...

Не соблаговолит. Спит. Хвала Ушедшим, спит! Если проснется, то... То Диамни Коро поправляет шкуры, на которых лежит натурщик.

— Мой эпиарх...

Тот даже не пошевелился.

— Мой эпиарх, стражник спит. А я... Я знаю, что ты невиновен.

— Знаешь? Откуда?! — Эпиарх резко вскинул голову. Это было так красиво, что рука художника невольно дернулась сделать несколько штрихов, но Диамни помнил, зачем пришел.

— От тебя самого. — Диамни встал на колени рядом с узником и принялся сосредоточенно расправлять шкуры. — Я рисовал все три дня на суде... Я, как и все, верил в твою виновность. Улики были неопровержимы, но мои руки делали свое дело. Сегодня я показал свои рисунки мастеру, и он сказал, что ты невиновен. Я подумал, что ослышался, но учитель приказал мне смотреть на твое лицо пять минут. Когда мастер перевернул часы, я понял, что он прав. Мой эпиарх, ты не насильник и не палач... Я не знаю, как вышло, что все указывает на тебя, но это ложь.

— Доведи до ума свою картину. — Эпиарх откинул рукой золотистую прядь, звякнули цепи. — Может, кто-нибудь когда-нибудь, глядя на нее, усомнится в моей виновности.

— У нас мало времени, сейчас вернется монах... Мой эпиарх, ты можешь спастись. Пенная река начинается в катакомбах. Ты — отменный пловец, я знаю... Ты выплывешь.

— С этим? — Ринальди чуть приподнял скованные руки.

— Завтра, когда замкнут замок... Отойди, чтобы тебя не заметили снаружи, и жди. Ночью я приду. Принесу кинжал и отмычки. Одежду не получится — если она коснется решетки... Да и зачем пловцу одежда? Я встречу эпиарха у водопада и принесу все, что нужно. Я буду ждать десять дней.

Он едва успел вернуться на свое место, когда явился высоколобый, которому явно больше некуда было спешить. Диамни вздрогнул, словно от неожиданности, и вновь взялся за грифель. Утешитель отчитал гвардейца за леность и замолчал. Ринальди продолжал смотреть куда-то вдаль. О чем он думал? Диамни хотел верить, что о свободе. Если эпиарх победит свое отчаяние, он выплывет.

11. Мастер

Ринальди гордо нес золотоволосую голову, глядя прямо перед собой. Казалось, между угрюмых воинов движется ожившая статуя. Диамни отдал бы все на свете, чтобы узнать, что творится на душе у эпиарха. На его собственной душе было мерзко, но художник заставлял себя рисовать и рисовал то, что видел. Эридани, величественного и грозного в венце Раканов и с фамильным мечом у пояса, седого Борраску, полного праведного гнева, его печальную и гордую жену, глядящего в землю Эрнани, которому через несколько минут предстояло стать наследником престола. Мальчик, если верить лекарям, никогда не станет мужчиной в полном смысле этого слова, так что продлить род Раканов может только Эридани. Если успеет.

Осужденный был уже совсем близко. Неподъемные кандалы с него сняли, оставив только цепи на руках и ногах. Теплый ветер трепал золотистые волосы и кружил белые и сиреневые лепестки, осыпая ими людей, пришедших на замощенную четырехугольными белоснежными плитами площадку. Забывшие Кэртиану каменные боги равнодушно взирали, как их именем творится несправедный суд.

— Мастер, тебе теперь будет плохо видно, — Прислужник Эридани счел своим долгом опекать облащенного анаксом художника и дальше. Человек-пес был прав: с места, где сидел Диамни, то, что творится у входа в катакомбы, разглядеть будет сложно. Проклятье, как же он не хочет идти и смотреть, но придется.

Художник торопливо вскочил, бормоча слова благодарности. Пес услужливо и ловко подхватил треножник, и они перебежали к противоположному краю площадки. Оттуда и

впрямь открывался отменный вид на черную скругленную сверху дыру и распахнутые в обе стороны створки, представлявшие собой бронзовые рамы, забранные витыми прутьями, меж которыми могла бы проскочить упитанная кошка. Сквозь эти щели пройдет не только меч, но и другие вещи. Те же сандалии и фляга. Только бы ночью у решетки не выставили охрану, хотя не должны — Капкан Судьбы и так не выпустит свою жертву.

Стражи заставили Ринальди повернуться лицом к братьям. Беатрисе, главам Высоких Домов. Художник видел окаменевшее лицо Борраски. Будь Ринальди виновен, он вряд ли выдержал бы взгляд полководца, но эпиарх глаз не опустил. Выдержал и художник, хотя больше всего на свете ему хотелось закрыть лицо руками. Увы! Его дело — паяться на осужденного, и он паялся, а ликтор зачитывал приговор.

Беспощадные, нелепые в своей старинной витиеватости слова разносились над замершей под радостным летним небом площадью. Усилившийся ветер швырялся пригоршнями белых лепестков, обдавая обезумевших смертных ароматом цветущих акаций и поздней сирени. Цветы были исполнены любви и радости, люди — ненависти и злобы.

Мастер Сольега смог бы это нарисовать — предвкушающую чужую гибель человеческую стаю, бело-лиловое цветочное море и одинокого узника. Сольега смог бы. Кору не сможет, он вообще не уверен, что, когда все закончится, снова возьмется за кисть.

— В свой последний час, прежде чем ты останешься наедине со своими преступлениями, покайся пред оскорбленными тобой, упави пред ними на колени и моли о прощении!

Губы Ринальди Ракана тронула усмешка.

— Мне не в чем каяться. Я невиновен, но не могу этого доказать. Вы мне не верите, что ж, ваше право. Прощайте! Вы свободны от меня, а я от вас.

Четверо стражей шагнули вперед. Согласно древнему ритуалу, им следовало сорвать с осужденного плащ, подхватить его под руки и, обнаженного, швырнуть в зев пещеры. Они честно собирались исполнить свой долг и наверняка бы исполнили, если бы подошли сзади. К несчастью, обычай требовал другого. Ринальди был скован, но взгляд тоже может стать оружием. Воины невольно отступили перед аквамариновой молнией, а эпиарх, немыслимым образом извернувшись, умудрился сбросить траурный плащ, повернулся и, прежде чем стражи и зрители пришли в себя, шагнул в черный провал.

— Закрыть решетку! — Слова Эридани были тяжелыми, как камни. Очнувшиеся исполнители бросились к створкам. Когда те сомкнулись, в пасти катакомб никого не было видно. Ринальди ушел во тьму, не оглядываясь и не дожидаясь, когда за его спиной щелкнет Калкан Судьбы.

12. Мастер

Проклятую решетку окружал лиловатый ореол, едва заметный в холодных лунных лучах Диамни прислушался — за ним никто не шел. Художник невесело усмехнулся своей осторожности — стража у холма Абвениев не стояла никогда, это место защищало само себя, а охранять запертую Капканом Судьбы решетку было и вовсе глупо. Посторонний же вряд ли бы по собственной воле оказался у входа в лабиринт, да еще в ночь после казни. Нет, опасаться некого, по крайней мере, из числа смертных.

Мастер взглянул на небо: полночь давно миновала, но до рассвета далеко — самый сонный час. Самое подходящее время для свидания, но здесь ли Ринальди? Дождался или решил, что новоявленный любимец анакса забыл о своем обещании или струсил?

— Эпиарх... Мой эпиарх, ты здесь?

— Ты пришел?

Бледное, рассеченное тенями лицо, блестящие в лунном свете глаза. Как же он все-таки похож на пойманного леопарда!

— Как я мог не прийти?

— Так же, как вес остальные. — В голосе эпиарха сквозила горькая ирония. — Я искал себе приятелей среди воинов и зориев, у меня было три брата, десятки любовниц и сотни друзей до гроба, а на поверку не оказалось никого. Хотя Анэсти мне бы поверил... Но Анэсти мертв, а Эридани ошалел от собственной справедливости.

Глаза Ринальди сверкнули странным зеленовато-лиловым огнем, который художник ни разу не замечал у людей. Только у кошек. И еще подобный отсвет порой появлялся на шеях сизых голубей, когда они разгуливали по освещенному солнцем двору. Видимо, дело было в лунных лучах, смешавшихся в проклятом сиянии, окружавшем решетку. Художник торопливо раскрыл свой ящичек.

— Вот воровской кинжал. В его ручку вставлена отмычка. Мой эпиарх сможет открыть замки?

— Попробую.

— Я подожду.

Ринальди возился долго, очень долго. Диамни успел проклясть все на свете и перемолиться всем богам и святителям.

— Готово. — Ринальди делано засмеялся. — Никогда не думал, что быть вором так трудно...

— Для таких, как эпиарх.

— Мастер Коро! У меня нет никого, кроме тебя и твоего учителя. Зови меня братом. Если, конечно, тебе не претит брататься с насильником.

— Я — счастливый человек, — задумчиво произнес художник, — я не знаю своих родителей, но Абвении сначала послали мне великого отца, затем благороднейшего из братьев. А мастер Лэнтиро... Он сказал, что у тебя золотое сердце и стальная воля. Ты вернешься, вы с ним еще встретитесь.

— Передай мою благодарность великому Сольеге. Если сумеешь найти слова...

— Мастер все поймет. Но учти: тебе придется позировать — долго и много. Мы тебя просто так не отпустим.

— Вот они, художники! — Ринальди с готовностью подхватил незамысловатую шутку. — Чтобы заполучить натурщика, они пойдут против волн анакса и всех Абвениев...

— Искусство превыше всего. Держи! Сначала меч. Осторожно!

— Я осторожен, как кот на кухне. Никогда не хотел превратиться в статую, а теперь и подавно.

— Ножны... Пучок лучины, вокруг я намотал веревку, мало ли что... Сандалии... Еще лучина... В кольцо — яд... Надеюсь, не понадобится... Дротики... Второй кинжал... пояс, но, боюсь, он заденет решетку...

— Обойдусь без пояса, я уже приспособил цепи. Очень удобно, а яд заberi назад. Мне он не понадобится.

— Ты прав... Фляга... Вторая... Масло... Если им натереться, будет не так холодно... А вот это — самое важное. Мастер Лэнтиро два дня вспоминал все, что известно о катакомбах и подземных реках. Здесь приметы, которые могут указать дорогу, учитель уверен — стоит найти ручей, и все будет хорошо.

— Значит, найду. Диамни, я, пока тебя ждал, пытался думать. Похоже, первый раз в жизни. Я был дураком и бездельником, но, по большому счету, никому не сделал зла, клянусь тебе... Даже женщинам. Я с ними спал, но я их не обманывал. Они знали, чего от меня ожидать, да и жениться без разрешения брага и зориев наследник не может. Это не было тайной... Диамни, то, что со мной сделали, не месть. Целили не в меня, а в брата. Эридани — сначала анакс, а потом уже все остальное, но он меня любит. Он сделал все, чтобы меня вытащить, я сам все испортил. Понимаешь, брат думал, что я виноват, и все равно хотел меня спасти, а я ведь знал, что не трогал эту девушку! Не представляю, что случилось на холме Абвениев, но без магии тут не обошлось. Это заговор против Эридани, а не против меня. Диамни, если я не вернусь... Постарайся помочь моим братьям, особенно Эрнани, теперь наследник — он.

— Обещаю, — заверил художник, — и я все расскажу мастеру. Он решит эту загадку, но ты выберешься. И не смей думать о другом. С завтрашнего вечера я жду тебя у водопада

— Дай руку!

— Ты с ума сошел! Решетка...

— Ничего... У тебя тонкие пальцы. И у меня тоже.

Это не было рукопожатием в прямом смысле этого слова. Просто прикосновение. Последнее тепло перед уходом в могильный холод. Пальцы Ринальди были горячими и сухими. Только бы он отыскал подземную реку... О том, что вода может заполнить весь тоннель, Диамни старался не думать, все равно другой дороги наружу нет.

— Я пошел. — Эпиарх отпустил руку Диамни и вымученно улыбнулся.

— Ринальди, будь осторожен, не торопись. Рассмотрй свиток как следует.

— Конечно, рассмотрю. Ушедшие в Закат! За кого вы все меня принимаете?! Я не сумасшедший, и я хочу жить.

— Если в этом мире еще жива справедливость, ты выберешься.

— Если справедливости нет, я все равно вернусь. Всем назло!

Ринальди Ракан взмахнул рукой, повернулся и быстро пошел в глубь галереи. Он сумел не оглянуться, заворачивая за угол. Оборачиваться — дурная примета.

13. Эпиарх

Больше всего эпиарх-наследник хотел вернуться назад. Если бы можно было остановить время, чтобы утро у Ветровой башни никогда не наступило. Чтобы не было темных лохматых кипарисов, пролетевшей сквозь арку белой острокрылой ласточки, ощущения непонятной тревоги, выбежавшей из-за угла Беатрисы. Эрнани взял лист и набросал женскую фигуру с тонкими ногами и руками и уродливо выпирающим животом, так непохожую на величественные статуи, которые ему приходилось рисовать. Там нагота была прекрасной и вызывала чувство восхищения, а Беатриса вызывала жалость и отвращение... Это было уродливо, неправильно, гадко и незабываемо!

Звон, скрип двери, знакомые тяжелые шаги.

— Я увидел у тебя свет.

— Не спится.

— Мне тоже. — Анакс зажег еще два светильника и сел на край стола. — Вторая ночь оказалась еще хуже первой. Тяжело... Еще тяжелее, чем тогда...

Брат не уточнил, что имел в виду, но Эрнани понял — брат говорит об Анэсти. Когда тот погиб, им всем было больно, но смерть Анэсти была просто смертью, хоть и нелепой и неожиданной. Анакс по праву слыл отменным наездником, поспорить с ним мог разве что Ринальди. и все-таки брат не справился с взбесившейся лошадью и вместе с ней рухнул с обрыва на глазах многочисленной свиты. В пору зимних дождей вода в озере Быка стоит высоко... Эрнани никогда не покидал Цитадель, но по чужим рассказам знал, что Ринальди прямо в одежде бросился за братом. Думали, что погибли оба, но Рино умудрился выплыть и вытащить тело анакса.

— Ринальди всегда бросался на помощь, — видимо, они с Эридани вспомнили одно и то же, — я не понимаю, что с ним случилось. Наверняка между ним и Беатрисой было что-то, чего мы не знаем.

— Я тоже так думаю, но теперь ничего не исправишь. Эрно, откуда в Рино столько злобы? Как это ни страшно признать, я был бы спокойнее, если бы знал, что он мертв. Эридани помолчал. — Ты веришь в то, что говорят про лабиринты?

— Про тварей?

— Нет, про заключенную там смерть, с которой можно договориться.

— О таком я не слышал, но ведь... Рино не первый.

— Не сравнивай тех древних эпиархов с Ринальди. Я просмотрел хроники тех лет —

оба осужденных были жалкими людишками, не способными ни на настоящую ненависть, ни на упорную борьбу. Я очень боюсь, Эрно, очень. Я хотел спасти старика Борраску и еще десяток человек, которых Рино, дай я ему меч, прикончил бы не задумываясь. Мне казалось, что, отправляя его вниз, я выбираю меньшее из зол, а теперь не могу отделаться от мысли, что страшно ошибся.

Ошибся, но в чем? В том, что не добил осужденного, или в том, что вообще осудил сто? Эрнани знал, что никогда не забудет хищного блеска Калкана Судьбы, мертвенного огня, охватившего решетку, слов брата-анакса. *«Мы, Эридани Ракан, властитель Кэртианы, наследник Абвениев и исполнитель их воли, говорим: мой брат и наследник Ринальди покинул нас, судьба его отныне не в нашей воле. Отныне нашим наследникам становится наш брат Эрнани...»* Он не хочет быть наследником, и он не сможет быть анаксом, хотя у Эридани еще будут сыновья, много сыновей!

— Мой анакс! — На ворвавшемся в спальню воине лица не было. — Ты здесь! Какое счастье...

— Что случилось, Хаини?

Хаини! Хаини из дома Скал, всегда такой спокойный и выдержанный. Неужели это он? С трясущимися губами и меловым лицом?

— Изначальные Твари! Они вырвались наружу через храм Ветра. Они плачут и пожирают людей!

— Спокойно, Хаини! Спокойно! — Анакс быстро глянул на брата, и в его взгляде Эрнани прочитал: «Вот оно!» — Разыщи Лорио Борраску, где бы он ни был, и собери дружину эориев. Все четыре знака! Я сейчас буду.

Хаини кивнул, словно очнувшийся от кошмара человек, и бросился исполнять приказ.

— Эрнани, то, чего я опасался, случилось, и исправить это должен я. Другой и не сможет — это дело анакса. Гальтары я оставляю на тебя. Да, ты мало знаешь и многого не понимаешь, но ты — Ракан. Ты должен, несмотря ни на что, сохранять спокойствие и делать вид, что держишь судьбу в узде. Остальное сделают Лорио и Богопомнящий.

— А ты?

— Я спущусь в лабиринт и закрою тварям ход наружу. Я знаю, как это сделать.

— Но это... это опасно?

— Опасно все! Изначальные Твари, они... — Эридани прервал себя на полуслове и порывисто обнял брата. — Не бойся! Сила Абвениев уже загоняла их вниз, загонит снова. До свидания, Эрно, и помни — ничего не бойся! Сохраняй спокойствие, слушайся Борраску и Абвениарха, но не спрашивай их совета при посторонних. Для всех Гальтарами правишь ты. Ты, и никто иной, а я скоро вернусь.

14. Эпиарх

Цитадель соединялась с двойным Кольцом наружной крепости могучими стенами, делящими город на четыре части — Молний, Волн, Ветра и Скал. Это позволяло беспрепятственно проезжать с внешних укреплений во внутренние, что бы ни творилось в самих Гальтарах. Раньше Эрнани казалось, что Абвении, возводя столицу, перемудрили — что, кроме предательства, могло угрожать построенным небожителями стенам? Раньше горожане ворчали, что в Гальтарах нет обычных ворот и приходится пользоваться деревянными пандусами. Появление Изначальных Тварей доказало, что любая предосторожность когда-нибудь да станет спасительной.

Эпиарх-наследник старался думать о чем угодно, но не о том, что творится в городах Волн и Ветра. Юноша как никогда сильно переживал свое увечье. Он не мог увидеть все собственными глазами, а что может быть горше, чем ждать и довольствоваться докладами? Гальтарами управляли Лорио Борраска и Абвениарх, Эрнани просто им не мешал. От эпиарха-наследника было не больше пользы, чем от Беатрисы, наотрез отказавшейся

покидать столицу. Эория была единственным в мире существом, перечислявшим человеку, без которого Гальтары бы уже погибли. Закутанная в темно-синее женщина, несмотря на беременность, казавшаяся хрупкой и юной, тихо сидела у окна, глядя бездонными глазами в небо, то синее, то черное, то кроваво-красное. Если бы не память о брате, Эрнани был бы рад ее присутствию — они оба были одиноки, потеряны, беспомощны, но не бесполезны. То, что эпиарх-наследник и жена Лорио Борраски остаются в Цитадели, помогало поддерживать порядок и внушало надежду.

Младший из братьев Раканов ничего не знал и не умел, но в отсутствие Эридани главой государства был он, и по освященному веками обычаю анакса или местоблюстителя престола оповещали о любой малости. Гонцы вбегали один за другим. Новости были плохими, хоть и не столь плачевными, как утром третьего дня, когда в спальню эпиарх-наследника ворвался Хаини из дома Скал.

Отчего-то чудовища появились лишь в двух городах из четырех, не было их и в Цитадели — видимо, не нашли дороги. Твари были сильны и прожорливы, но даже они со временем насыщались. И их можно было убивать, хотя это было более чем непросто: за каждое уничтоженное чудовище Лорио Борраска платил десятками жизней. Полководец принял решение, сначала показавшееся Эрнани невозможным, но, немного подумав, эпиарх понял, что другого выхода нет. Нужно было вывести из города людей, после чего разрушить пандусы и оставить Изначальных реветь среди созданных Абвениями стен, уповая на то, что Цитадель и города Молний и Скал останутся для них недоступными.

К счастью, Изначальные опасались приближаться к возведенным Ушедшими стенам ближе чем на две длины копья, а вот солнечного света твари, увы, не опасались, что было весьма странно для существ из подземелий. У монстров, как рассказывали гонцы, были огромные лиловые глаза, из которых катились медленные слезы. Человек, нечаянно поймав исполненный тысячелетней обиды взгляд, замирал, тварь его пожирала, после чего двигалась дальше. Некоторые, насытившись, затевали игры и драки, и это было хуже голода, потому что резвившиеся чудовища крушили и давили на своем пути всех и вся. Но хуже всего был охвативший Гальтары ужас.

Эрнани плохо представлял, что делалось его именем, но он доверял Лорио полностью и безоговорочно. Абвениарху он не доверял совсем, но Борраска утверждал, что без помощи Богопомнящего не удалось бы справиться — нет, не с монстрами, а с людьми, которые, обезумев от ужаса, стали страшнее любых монстров. Лилогоглазая тварь могла сожрать десять, двадцать, тридцать человек и на время успокоиться, рехнувшиеся толпы затаптывали сотни, если не тысячи себе подобных. Лорио отдал приказ убивать на месте всех, кто, ища спасения, шел по телам детей, женщин, стариков. Это помогало. Воинам и абвениатам вместе как-то удавалось превращать обезумевшее стадо в пусть перепуганных и растерянных, но людей.

Отряды Борраски и эорийские дружины третьи сутки отвлекали монстров на себя, а монахи и городская стража выводили гальтарцев за пределы столицы.

Эпиарх-наследник тоже мог уйти, так же как и Беатриса, но они сидели и ждали известий от Борраски и Эридани. Из города доносили о продолжающихся схватках, лабиринт безмолвствовал. Эрнани гнал от себя мысли о гибели своего последнего брата и о судьбе Диамни Кору и его учителя, но старый художник жил совсем близко от храма, через подвалы которого и вырвались чудовища.

— Мой эпиарх, — голосок Беатрисы дрогнул, — почему... Почему так долго?

— Что хочет сказать моя эория?

Скорее всего, ничего, просто не может молчать. Беатриса — женщина, она ждет ребенка, ей позволительно быть слабой, бояться, плакать, говорить глупости, а он должен быть твердым и уверенным. Эпиарх-наследник не может усомниться в победе!

— Я... Я о моем анаксе. Так долго...

— В лабиринтах по-другому течет время. ~ Эрнани не то чтобы врал, просто из всех известных ему сплетен выбрал самую утешительную. — Там прошло всего... Да, конечно,

там прошло лишь два или три часа. Скоро Эридани сделает, что нужно и вернется, монстры уберутся назад и больше никогда не выберутся, и...

— Мой эпиарх считает меня маленькой глупой дурочкой? — В голубых глазах плеснулась горечь. — Мне немного лет, но я пережила... Я пережила столько, что могу выдержать любую правду.

— Я не лгу, — быстро сказал Эрнани, — в хрониках написано, что в лабиринтах время течет иначе, и я им верю. И еще я верю в своего брата. Эрио знал, что делал, когда спустился вниз, и он обязательно вернется.

— Да, — покорно кивнула Беатриса.

— Может быть, эория выпьет сонного отвара?

— Нет! Все равно скоро утро.

Нет так нет, он не станет уговаривать. Пусть сидит и ждет, если ей так легче. Эридани не сказал, когда он вернется. При расставании Эрнани подумалось, что брат говорил о часах, но «скоро» может означать и час, и день, и неделю.

А вдруг они встретили в подземельях Ринальди? Может быть, тот наконец понял, что натворил, и братья вернутся вместе. Искупить можно любую вину, если Рино опомнился, его нужно простить. Он не мог желать гибели Гальтарам, даже если каким-то образом и разбудил монстров. Ринальди не представлял, чем это обернется, он вообще никогда не задумывался о последствиях своих поступков.

Стук и звон возвестили о появлении очередного гонца,

— Мой эпиарх, — воин качался как пьяный, — мой эпиарх... Они уходят, уходят...

— Что? Ты хочешь сказать, что люди выведены?..

— Нет! — Гонец был так взволнован, что напрочь забыл о том, что говорит с местоблюстителем трона. — Твари! Они бегут назад, в пещеры... Это чудо, мой эпиарх! Чудо! Это и впрямь было чудо, и имя этому чуду — Эридани.

— Ну вот. — Эрнани улыбнулся Беатрисе, — а эория боялась. Эридани не мог проиграть. Скоро он вернется, а еще раньше мы увидим вашего супруга. Может быть, эория все-таки отдохнет?

— Нет, — глаза женщины казались кусочками пронизанного солнцем неба, не хватало только белых ласточек, — я подожду...

15. Мастер

Чем дольше художник смотрел на беснующийся поток, тем меньше у него оставалось надежд. Ринальди плавает, как выдра, но в верховьях Пенной не водятся даже выдры, и потом до реки еще нужно добраться.

Третьи сутки ожидания были на исходе, и эти дни и ночи стали самыми тяжелыми в жизни мастера Коро. Единственное, что он мог сделать для друга, — это ждать столько, сколько обещал, и еще три дня, и художник ждал, глуша свою боль работой, но рисовал он не реку и не радугу, а «Пленника». Это был его ответ подлости, ханжеству, лицемерию. Он не может покарать виновных мечом, но призовет их к ответу кистью! Диамин писал как безумный, отрываясь от работы лишь ночью, и тогда он видел странное лиловатое зарево там, где находились Гальтары.

Диамин ждал, когда лошади отказались от воды и травы. Ждал, когда скалы у истока Пенной начали стонать и дрожать, словно живые существа. Ждал, когда лиловые молнии раскололи усыпанный звездами черный купол, хотя на небе не было ни единой тучи. Ждал, когда на рассвете вошло четыре окровавленных солнца, из-за которых взметнулись гигантские светящиеся мечи и столкнулись, породив пятое светило — черное, окруженное алой короной. Это длилось не дольше мгновения, солнце стало обычным солнцем, кони припали к ледяной воде, скалы перестали плакать, и только небо осталось алым, но это была просто заря. День обещал быть ветреным, но пока было до чрезвычайности тихо.

Художник, движимый каким-то странным чувством, сначала пошел, а потом побежал к водопаду и замер над стремительной водой, превращенной безумным восходом в кровь. Диамни вглядывался в красно-черные глубины, пытаясь унять стук сердца. Любопытно, он уже сошел с ума или только сходит? В беснующейся воде мелькнуло и пропало что-то темное. Разумеется, ему показалось, но мастер Коро вновь сорвался с места. Теперь он мчался к подножию водопада, на ходу сбрасывая куртку. Думать было некогда, и Диамни прыгнул, ледяная вода обожгла его, но какое это имеет значение! Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, ведь прошло три дня, целых три дня...

Тело Ринальди было неподвижным и тяжелым. Мертв или без сознания? Как бы то ни было, они оба исполнили свое обещание — один вернулся, другой дождался. Диамни вытащил свою добычу на берег и с удивлением уставился на меч, который сжимал эпиарх. Меч Раканов! Откуда? Мастер Коро попробовал разжать пальцы Рино, но это оказалось безнадежным занятием. Ладно, с мечом разберемся позже.

Художник наскоро осмотрел друга и немного успокоился. Он подоспел вовремя — Ринальди не успел захлебнуться, похож, бедняга стукнулся головой за несколько секунд до того, как Диамни его подхватил. Абвении милосердны — кости целы, а синяки и стремительно набухающая шишка на лбу — ерунда. Чуть ниже, и удар пришелся бы в висок, но судьба, кажется, сама устала от своих подлостей. Только бы Ринальди не простыл. Вола ледяная, и никому не известно, сколько ему пришлось плыть.

Художник опрометью бросился за плащами и вином. Когда он вернулся, Ринальди сидел на траве, безумными глазами глядя на лежащий перед ним меч.

— Рино! — Диамни не сразу сообразил, как назвал эпиарха. Похоже, Ринальди Ракан и впрямь стал ему братом.

— Вот ведь... — пробормотал эпиарх. — Дождался...

— Я обещал! Выпей и ложись... Постой, я постелю плащ!

— Погоди... У меня что-то с головой... Холодно... Что случилось?

— Водопад с тобой случился. Пей, кому говорят!

— Сколько времени?

— Утро. Часов восемь. — Диамни поднес к посиневшим губам эпиарха флягу, — Ты болтался по пещерам трое суток. С лишком.

— Ну, извини. Так получилось...

— Главное, ты выбрался. А теперь ложись и попробуй уснуть, до вечера уйма времени.

— Не буду я спать, — сверкнул глазами Ринальди. — Откуда этот меч?

— Это ты у меня спрашиваешь? Когда я тебя вытащил, меч был у тебя в руках. Надо было видеть, как ты в него вцепился. Не представляю, как ты вообще умудрился с ним выплыть,

— И я не представляю. И еще меньше представляю, где я его взял. — Эпиарх потянулся к рукояти и скривился от боли. — Диамни, мне надоело изображать из себя древнего героя и совершать подвиги в чем мать родила. Твой лагерь далеко?

— Не очень.

— Тогда пошли. — Ринальди, не дожидаясь помощи, попробовал подняться на ноги. Как ни странно, ему это удалось.

— Пошли, — покорно согласился Диамни, поняв, что его новообетенного братца не переспорить. — Ты упрям, как осел мастера Сольеги.

— Осел?! — Ринальди, закусив губу, извернулся и обозрел чудовищные кровоподтеки. — Клевета. Я — вылитый леопард.

— Не только, — безжалостно припечатал художник, — судя по тому, что у тебя на лбу, ты еще и единорог, но, прежде всего — осел... Осторожней!

В ответ Ринальди лишь глазами сверкнул. Его спасение отнюдь не было чудом — этот человек не понимал, что значит сдаться, потому и выжил там, где это почиталось невозможным.

Они добрались до лагеря, хотя Диамни видел, чего стоит упрямцу каждый шаг.

— Где ты был все это время? — поинтересовался художник.

— Не знаю — В кошачьих глазах эпиарха промелькнула странная растерянность — Понимаешь, Диамни, я помню наш разговор у входа. Помню, как шел, как сдуру свернул на лестницу — она как заманчиво шла вверх. Там и вправду был выход... Кошки раздери моего предка с его замками! — Ринальди сжал кулаки и сморщился от боли. — Если что-то и нужно уничтожить, так эти Капканы!

— Выпей. И я выпью. — Вообще-то, Диамни не слишком одобрял вино, но мастер Сольега сказал бы, что сейчас просто необходимо выпить. — И забудь!

— Я и так забыл почти все. — Ринальди быстро глотнул из фляги, — но их помню. Там с потолка сочится вола, и в ней что-то такое вроде мела... И эти фигуры у решетки. Сверху — белая корка, а внутри. — Ринальди залпом допил, что осталось, — внутри — они! Я не знаю, что они сделали и сколько жили, но лучше двадцать раз заживо сгореть, чем такое... Я швырнул лучину и побежал. Потом появился свет, сумерки какие-то. Я пошел светящимся коридором и нарвался на фрески. Жаль, ты их не видел.

— Фрески? И что на них было?

— Женщина. Одна и та же, повторенная тысячи раз. Казалось, она идет со мной рядом. Мне не объяснить, но это чудо!

— Ты отыскал женщину даже в лабиринте, — покачал головой художник.

— Нет, потерял. У нее были синие глаза, Диамни. Синие глаза и черные волосы, и ей было больно жить.

— Странно. Я знаю этот мотив. Идущую синеглазую женщину раньше изображали в погребальных храмах, потом абвениаты подумали и решили, что это неправильно. Видимо, в лабиринте когда-то и вправду был храм. Странно, что ты на него не наткнулся.

— Может, и наткнулся. — Теперь Ринальди говорил медленно и тихо: вино и усталость делали свое дело. — Понимаешь... Я больше ничего не помню, только запах дыма... Отвратительно сладкий... Наверное, я пошел туда, а может, наоборот... Я люблю запах дыма, но этот... Мерзость... А потом мне стало холодно, я открыл глаза и увидел небо... А в руке у меня был меч. Откуда? Диамни, откуда у меня меч Эридани?..

Мастер Коро усмехнулся, накрыл названного брата плащом и взглянул в небо. Сейчас около полудня — у них впереди прорва времени. То, что случилось, походило на чудо на детскую сказку со счастливым концом, когда сначала все плохо, а потом все хорошо. Художник проведал лошадей, ополоснул пустую флягу, хотел что-то приготовить, но понял, что должен немного отдохнуть. Многодневная усталость наконец-то взяла свое, и Диамни Коро бросился на траву. Спустя мгновение он уже крепко спал.

16. Ринальди

Ринальди Ракан, наверное, в первый раз в жизни любовался облаками. Раньше ему не приходило в голову валяться на траве и смотреть в небо, раньше он вообще был глупцом. Странно, что он не чувствует себя счастливым, ведь он жив и свободен, вот только с памятью что-то не так. Похоже, ударился головой, когда оказался в реке. Эпиарх перевернулся на живот, это было больно, но бывало и хуже. И когда старик Борраска обучал их с Анэсти и Эридани владеть мечом, и после сражения у Весперид — тогда вообще думали, что ему конец. Ничего, отлежался и сейчас отлежится.

Боль — это ерунда, а вот память... Что же все-таки случилось с ним в пещерах? Откуда у него меч Эридани? Куда делся его собственный? Семейный меч Раканов — это, конечно, прекрасно, но драться им то же, что гарцевать на корове.

Эпиарх собрался с силами и поднялся на ноги — очень хотелось заорать в голос, но он сдержался, чтобы не разбудить Диамни. Разбитое тело болело немилосердно, но Ринальди не был бы Ринальди, если бы лежал пластом, опасаясь лишней раз пошевелить рукой или ногой. Совершив еще одно усилие, он нагнулся и поднял меч. Хорош он, наверное, был,

когда Диамни тащил его из воды. Голый, избитый, но с мечом. Ринальди с интересом разглядывал широкий клинок, украшенную лиловыми камнями рукоять, какие-то узоры и письмена. Что это все-таки такое — меч Эридани или двойник? Ладно, посмотрим! Раз он так вцепился в эту железяку — значит, в этом был какой-то смысл.

Ринальди посмотрел на спящего художника. Это нехорошо, но он его все-таки разбудит, у него нет сил самому разобраться со всем этим безумием. Эпиарх легонько тронул друга за плечо, но тот и не подумал просыпаться. Ринальди сжал плечо художника сильнее — опять ничего.

— Диамни! — Теперь он тряс мастера изо всех сил. — Диамни, проснись! Закатное пламя, да что с тобой такое?!

— Оставь его! — Негромкий женский голос был красив и равнодушен.

Ринальди вздрогнул и поднял голову. Подобных красавиц он еще не встречал — высокая, полногрудая и пышнобедрая, с тонкой талией и роскошной рыжей гривой, женщина была закутана в струящийся алый шелк. Золотой обруч на шее, массивные браслеты на белоснежных полных руках, кованый золотой пояс...

— Кто ты, госпожа? — Несмотря на невероятную красоту, а может, именно благодаря ей незнакомка вызывала не столько восхищение, сколько тревогу. — Ты знаешь, что с моим другом?

— Он спит, — янтарные глаза женщины равнодушно скользнули по лицу художника, — и видит самый прекрасный сон в своей жизни. Не нужно его будить. Ринальди Ракан, он не проснется, пока я не уйду. Не бойся, с ним ничего плохого не случилось — наоборот, для художника нет большего счастья, чем хотя бы во сне увидеть Этерну. Но ты, кажется, спрашивал, кто я.

— Спрашивал. — Ринальди не хотел знать, кто она, зачем пришла, откуда знает его имя, но отступать было некуда.

— Я — ада, — сказала красавица, словно это что-то объясняло. — Я пришла за тобой.

— Ты не похожа на смерть. — Ринальди выдавил из себя улыбку.

— У смерти тысячи лиц, — женщина улыбнулась, ее губы, крупные и чувственные, были ярко-алыми, — но я не смерть. Я убиваю, только если мне мешают. Тебе смерть от моей руки не грозит, а если ты уйдешь со мной, смерть тебя догонит не скоро.

— Ада — это имя?

— О, нет. У меня нет имени, и если ты пойдешь со мной, у тебя его тоже не будет.

— Зачем мне идти за тобой? И куда?

— В Этерну. — Красавица улыбнулась. — По крайней мере сначала. А зачем?... Есть по меньшей мере три причины, и я их назову, — она улыбнулась еще раз, — постепенно.

Опустился вечер, высокое небо отливало золотисто-алым, совсем как платье незнакомки, одуряюще пахло дикими розами и жасмином. Женщина сорвала цветок и засмеялась, но Ринальди счел за благо не замечать, как тонкая ткань ползет с белоснежного плеча. Ада была чужой и (эпиарх отчего-то в этом не сомневался) опасной. На всякий случай он встал, но неудачно. Видимо, его лицо исказила боль, потому что незнакомка тоже встала, прищурилась и сделала небрежный жест рукой. Ринальди показалось, что он смотрит на мир сквозь язычки лилового пламени, потом сияние погасло, а вместе с ним исчезла и боль.

Эпиарх невольно глянул на предплечье, которое донимало его сильнее всего, и с удивлением обнаружил, что одежда, которую с такими мучениями натянул на него Диамни, исчезла, словно ее и не было. Он опять был в чем мать родила, на этот раз по милости непонятной рыжей твари.

— Тебе идет злиться, — ада изучала его с явным одобрением, чтобы не сказать больше, — ты рожден для вечности, время не должно покушаться на столь совершенную красоту.

— Что ты сделала с моей одеждой?

— А ты не хочешь спросить, что я сделала с твоей болью? Я сожгла и то и другое.

Ада подошла ближе, теперь алые губы и золотые глаза были у самого лица Ринальди. В ее красоте не было ни единого изъяна, но она не была желанна... Ну или почти не была.

Золотое свечение стало сильнее, а затем исчезло, белые руки обхватили шею Ринальди жарким, горячим кольцом, он не сразу сообразил, что алые одежды ады исчезли. Тело эпиарха оказалось расторопней его разума, оно ответило на ласку немедленно и яростно.

Они отпустили друг друга, когда небо на востоке расцвело сиреневыми гроздьями. Ада лежала на спине, щуря огромные золотые глаза, прекрасная, откровенная и бесстыдная, как весенняя кошка, — гладкая белая кожа, блуждающая улыбка, разметавшиеся волосы, перепутавшиеся с созревающей шелковистой травой.

— Вот и первый довод. — Кошка взяла его руку и положила себе на грудь. Ринальди всегда нравились полногрудые и полнобедрые, за это он прощал своим подругам расплывшиеся талии и похожие на подушки животы, но рыжая тварь состояла из сплошных достоинств.

— Первый довод?

— Первый довод — я, мои сестры и Этерна. Вернее, Этерна, я и мои сестры. Это очень долгая жизнь и вечная молодость, Ринальди Ракан. Все, что тебе всегда нравилось, но сильнее и ярче. У тебя было много любовниц, эпиарх. Скажи, пережил ты хоть с одной из них ночь, подобную нашей?

— Нет. — Ринальди всегда был честен с женщинами. — Не было, и я... Я не уверен, что хочу ее повторить.

— Что ж, — ада села, обхватив колени, — тогда поговорим о другом...

Красавица посмотрела в лиловеющее небо. Ринальди невольно проследил за взглядом своей странной любовницы, а когда вновь посмотрел на нее саму, та была в шитых серебром лазоревых шелках. Ринальди было сложнее — пришлось вставать и вытаскивать из седельной сумки плащ, чувствуя на себе золотой взгляд, одновременно насмешливый и ласкающий.

— Итак, — сказала женщина, — ты готов выслушать мой второй довод.

— Изволь. Ты родился в одном из миров Великого Ожерелья и считаешь его единственным, а на самом деле их тысячи. Вы, дети одного-единственного мира, похожи на человека, который родился, вырос и всю жизнь прожил в запертой комнате, не зная, что за ее стенами. Но если знать, где двери и иметь от них ключи, можно ходить из комнаты в комнату, как это делаем мы...

Ада замолчала, ожидая то ли вопросов, то ли возгласов неверия, но Ринальди сразу понял, что она не лжет. Она была чужой и пришла издалека, она не принадлежала Кэртиане с ее синим небом и зеленой травой, хотя и казалась женщиной. Казалась, но была ли?

— Вы ходите по дому, это я понял, но выходите ли вы на улицу?

— Ты быстро схватываешь. — Ада задумчиво коснулась одного из своих браслетов. — Я не зря задержалась в этом мире. Ты нужен Этерне.

— Ты не ответила.

— Мне нравится твоё нетерпение... И мне нравишься ты сам.

Взгляд женщины был более чем откровенным, она хотела того же, что и он, но Ринальди решил узнать все. Ада облизнула губы и улыбнулась.

— Представь себе замок, в котором каждая комната — это мир. Кое-где живут разумные существа, кто с душой, кто — без, но разумные. Другие пусты или заселены безмозглыми тварями. За стенами замка — двор, окруженный рвом, за рвом — враги. Не скажу, что они — зло. Там, откуда они приходят, их, видимо, считают добром, но нашему замку со всеми его обитателями они несут гибель. Не смерть, а именно гибель, без посмертия и надежды на возрождение. И поэтому на стене — мы ее называем Рубеж — идет постоянный бой. Его ведут воины Этерны, они вечно молоды и почти бессмертны. Почти, потому что их все-таки можно убить, и это иногда случается. Убитым нужна замена, а живым — отдых, и мы, ады, ходим по обитаемым мирам в поисках тех, кто способен стать защитником Рубежа. Я увидела тебя и поняла, что ты создан для вечного боя, прерываемого пирами и любовью. Ты рожден в мире смертных, но твоя кровь принадлежит Этерне, и это мой второй довод. Ты получишь врагов и товарищей, о которых мечтает любой воин. Твой

меч будет решать, жить или нет Ожерелью миров, среди которых и породившая тебя Кэртиана со всеми, кто тебе дорог, а потом, и их потомками... Ты уйдешь со мной?

Если бы она пришла раньше, хотя бы в тот день, когда Беатриса обвинила его в насилии! Он не задумываясь ушел бы с белогрудой огненной красавицей, он бы стоял на Рубеже, пировал с товарищами, любил бессмертных, а потом возвращался в бой и не желал себе другой судьбы. Но зачем говорить о том, что сгорело! Он привязан к Кэртиане своим бесчестьем и дружбой Диамни и незнакомаго еще Сольеги. Он не может бросить все и исчезнуть, не вернув своего доброго имени и не разгадав загадку своей беды. Вдруг ловушка, в которую он угодил, лишь первая в череде подобных, и в каждой будет биться живое существо, невинное, но осужденное самыми близкими? Он должен остаться ради Эридани, на которого развязана охота, ради малыша Эрнани...

— Ты права, я действительно создан для жизни, которую ты описала, но я остаюсь.

— Ради него? — Женщина кивнула на все еще улыбающегося Диамни. — Или ради братьев?

— Ради себя. Если я уйду, я буду себя презирать. Этерне вряд ли нужен такой защитник.

— Итак, ты остаешься?

— Да. Возможно, потом, когда я...

— «Потом» не будет, Ринальди Ракан. — Ада больше не улыбалась. — Я уйду и никогда не вернусь. Этерна протягивает руку смертному лишь единожды, но прежде, чем ты в последний раз скажешь «нет», тебе следует кое о чем узнать. Ты невиновен в том преступлении, за которое тебя осудили, но на тебе кровь твоего брата Эридани. Конечно, ты по-своему был прав, убив его...

— Ты шутишь?!

— Отнюдь. Иначе откуда бы ты взял меч Раканов? Хочешь знать правду?

— Говори!

— Эридани Ракан был любовником Беатрисы Борраски. Когда она забеременела, они решили сохранить и ребенка, и честь зории, и меч Лорио. Теперь ты понимаешь, в чем дело?

Он не понял этого раньше лишь потому, что Эридани — его брат. Он любил его, любил и не мог подумать о нем плохо. Но это правда, правда, будь проклята эта рыжая тварь во веки веков!

— Испытание!

— Да. Для очистки совести Эридани предложил тебе побег. Ты отказался, и с этого момента все было предрешено. Абвении признали ребенка-Ракана — ребенка анакса и твоего племянника... Эридани не мог позволить тебе перебить половину своих сторонников и в первую очередь Лорио. ведь у него нет другого полководца. И он бросил тебя в пещеры, но по-своему он тебя все же любил и спустился за тобой. Ему не следовало говорить тебе правду...

— Он сказал? Сказал??

— Да! И ты убил его и взял его меч.

— Это не так! Не может быть!

— Ты хотел правды — вот она. Ты убил Эридани, и его кровь, кровь Ракана. разбудила Изначальных Тварей, которые вырвались наверх через храм в городе Ветра. Я загнала их назад, но было поздно. Погибли несколько тысяч человек, в том числе Лэнтиро Сольега. Люди связали твою казнь с появлением тварей и исчезновением анакса. Теперь для жителей Кэртианы ты не просто насильник, ты — убийца, из ненависти ко всему живому спустивший на беззащитный город чудовищ, которых твой брит, пожертвовав собой, загнал назад. Это не совсем правда, но и не совсем ложь...

— Я не помню...

Он не помнит, но меч у него! Он не помнит, потому что ударился головой или потому что хотел забыть? Он и раньше умел забывать неприятное.

— Ты не помнишь, потому что боишься. — То ли ада умела читать мысли, то ли у него

все было написано на лице. — Теперь анаксом стал твой брат, но правит страной Лорио Борраска. Ты все еще хочешь вернуться в полуразрушенный город? Хочешь, чтобы Диамни узнал, что ты стал причиной смерти его мастера и множества других людей? Хочешь доказать свою невиновность?.. Ты сможешь доказать лишь виновность Беатрисы и этим убьешь последнего человека, способного спасти Золотую Анаксию. Или, может быть, ты хочешь захватить трон? Если ты используешь Силу, это у тебя получится. Сказать тебе, как это сделать?

— Нет. — Ринальди поднялся. — Мне и впрямь не осталось места в Кэртиане. Я бы выбрал смерть, но это слишком слабое наказание за то, что я натворил. Я чуть не погубил свой мир здесь и буду вечно защищать его на твоём Рубеже,

— Он будет твоим. — Ада подошла к спящему художнику и положила ему руку на лоб. — Диамни Коро забудет все, что связано с тобой, и вернется в Гальтары. Он видел Этерну. Если он настоящий художник, он ее нарисует, и это будет его высшим счастьем и высшей наградой. Ты готов?

Ринальди заставил себя подняться. У него в этом мире осталось лишь, одно дело. Последнее. Эпиарх взял меч Эридани, подошел к пещере, из которой хлестала вода, и всадил клинок в расщелину между двух камней. Пусть думают, что, его вынесла река.

Меч Раканов принадлежит Кэртиане. Когда Диамни проснется, он его увидит и вернет Эрнани. последнему из братьев, оставшемуся в живых, потому что он, Ринальди. тоже умер, умер, узнав правду о себе. Эпиарх повернулся к не скрывающей торжества аде.

— Я готов. Не будем задерживаться!

17. Эпиарх

Лорио приказал подавать завтрак прямо в зал Литид, из которого они не выходили все эти безумные дни. Эпиарх-наследник что-то ел и пил — только для того, чтобы Борраска в очередной раз не принялся напоминать, что и кому он должен. После завтрака они уже вдвоем с Лорио в очередной раз попытались уговорить Беатрису уйти, та лишь покачала головой, и ее оставили в покое. Затем опять были дела. Повседневные дела, которыми анакс занимается куда чаще, чем объявлением войн и разоблачением заговоров. Деньги, дороги, вспомоществование семьям погибших, восстановление разрушенных домов, раздача вина и хлеба... Солнце достигло зенита, тени, черные и короткие, жались к отбрасывавшим их предметам, как испуганные щенки жмутся к ногам хозяина. Солнце, птицы, цветущие деревья, облака в высоком небе, как же они жестоки в своей равнодушной радости! Это была жизнь, казавшаяся такой недостижимо прекрасной, когда город Ветра и город Волн крушили Изначальные Твари и озверевшие люди.

Беда отступила. Гальтары еще не скоро залечат полученные раны, но Цитадель уже обрела свой обычный вид, и эта обыденность казалась оскорбительной. Эпиарх-наследник понимал, что нужно благодарить Абвениев, что все кончилось так, а не иначе, но повседневная суэта каждой мелочью напоминала о братьях и о том, что, если Эридани не вернется, Эрнани Ракану придется стать тем, кем он стать не может.

Снова пришлось есть, и снова Эрнани не смог бы ответить, что было подано на обед. После полуденной трапезы Борраска уехал в город, и настала тишина, нарушаемая лишь воркованием мохноногих ливкадских голубей, блаженствовавших на освещенном солнцем карнизе. Эрнани сидел в кресле, принадлежавшем Эридани. а Беатриса заняла место Ринальди. Вряд ли женщина это знала, хотя, если подумать, что значит место...

В окно влетела бабочка — крупная, желто-черная, со странными острыми выростами на нижней паре крыльев. Или махаон, или падалидий, они очень похожи. Диамни сказал бы — мастер хорошо разбирается в цветах, травах, птицах. Только бы Коро был жив. Городу Ветра досталось больше всех, а когда стражи стучали в дом Лэнтиро Сольеги, там было темно, тихо и мертво...

— Который час? — еле слышно спросила Беатриса.

— Два часа пополудни. Твой супруг скоро вернется, но не лучше ли...

— Нет. — Голубые глаза блеснули, напомнив о неистовой эории, в праведном гневe прошедшей через обомлевшие Гальтары и потребовавшей суда над насильником. — Я останусь.

Эрнани не спорил — не было ни сил, ни желания. Вернулся Лорио, рассказал, что творится и Гальтарах. Город Ветра и город Волн залечивают раны, абвениаты и стражники ходят по ломам — первые утешают и врачуют, вторые рубят руки и головы мародерам и убийцам. Хлеба, мяса и фруктов хватает,

Эрнани не спросил о братьях — будь известно хоть что-то, Лорио сказал бы, но Беатриса была женщиной и не удержалась.

— Твои люди стоят у всех выходов? — Голосок эории выражал озабоченность и надежду.

— Разумеется, — пробормотал Борраска и тотчас заговорил о другом: — Хорошая новость. Эрнани. Художник Лэнтиро жив и здоров. Можешь представить, мастер выгнал всех слуг, закрылся в комнате под потолком и работал. Великий Сольега даже не знал, что творится в городе! Мастера Коро в Гальтарах не было — учитель отправил его рисовать воду и скалы, так что он, без сомнения, жив.

Значит, хотя бы один из тех, кто ему дорог, уцелел. Диамни много рисовал братьев, пусть напишет портрет, на котором все живы и счастливы. Теперь размолвка с учителем казалась Эрнани пустой и детски глупой. Последние дни все они не походили сами на себя, все бежали от правды, кто куда мог. Что удивляться тому, что художник пытался уйти в свое искусство.

— Эрнани, — Лорио с тревогой наблюдал за наследником, который очень боялся стать анаксом и почти не сомневался, что уже стал им, — тебе надо отдохнуть.

— Я не стану пить сонное зелье, а без него мне не уснуть. Я уйду, только когда не останется надежды.

Лорио кивнул и отошел. Они о чем-то пошептались с Беатрисой, скорее всего, о том же самом, потому что эория покачала головой и откинулась на резную спинку. Снова приходили какие-то люди — докладывали, спрашивали, просили...

— Мой эпиарх. — высокий белокурый воин, чем-то похожий на Ринальди. наклонил голову и приложил руку к сердцу, — пришел мастер Коро. Он принес меч анакса,

— Пусть войдет!

Меч Эридани? Откуда?! Как он оказался у Диамни?

— Мой эпиарх. — Диамни преклонил колени. Щеки художника покрывала короткая щетина, глаза ввалились. — Я провел последние дни у истоков Пенной реки, рисуя эскизы для росписи храма. Этим утром я увидел у выхода из пещеры меч. Видимо, его вынесла вода...

Художник развернул плащ, неистово вспыхнул вделанный в рукоять камень, лиловый и злой, словно глаз Изначальной Твари. Пенная река берет начало в пещерах, наверняка они связаны с лабиринтом. Об этом никто не подумал, потому что этим путем невозможно ни войти, ни выйти, но Абвении сочли неуместным оставить меч себе, они забрали только жизни. Сначала — одну, затем множество.

— Что с Эри... Что с анаксом?! — Беатриса была даже не бледна... Эрнани не рискнул бы подобрать слово, описывающее лицо эории. Не ужас, не боль, не страдание, не отчаяние — все это было слишком мелко и ничтожно. — Это я... — Беатриса куда-то рванулась, но Лорио ее подхватил. — Это я во всем виновата! Я должна была умереть, тогда анакс был бы жив... Все были бы живы!

— Успокойся, родная, — седой полководец нежно, но сильно прижал бьющуюся женщину к груди, — тебя вела честь... Ничего уже не исправить!.. Подумай о ребенке.

— О ребенке?.. О ребенке?!

— Дитя невинно, — твердо произнес Лорио Борраска. — я не стану отнимать у него

имя. Абвении милостивы, наш сын пойдет не в отца, а в его брата.

— Мой сын будет походить на анакса. — Беатриса шептала словно во сне. — на Эридани Ракана... Да... Я попробую... Попробую жить! Не бросай меня, нас... Пожалуйста. Только не бросай... Я так виновата...

— Тебе не в чем себя винить. — Лорио нежно поцеловал жену в лоб, словно маленькую девочку. — Мой анакс! Разреши мне увести зорию. Я сейчас вернусь.

— Эорий Борраска... Мой Лорио, ты свободен до утра. Эория Беатриса нуждается в тебе сильнее, чем кто бы то ни было. А я, — Эрнани взглянул на меч, который по-прежнему держал художник, — должен поговорить с мастером Коро.

— Благодарю моего анакса. — Полководец обнял дрожащую жену и вывел, почти что вынес ее из комнаты. Стукнули копья стражей, скрипнула дверь. Теперь они остались вдвоем — художник и его ученик, анакс и простолюдин, принесший меч погибшего повелителя.

— Диамни, — Эрнани взглянул художнику в глаза, — ты сказал все, что знал?

18. Мастер

Серые глаза эпиарха глядели строго и взросло. Как же он изменился за эти несколько дней! Да разве он один, все они стали старше на годы, на века.

— Мой анакс...

— Диамни, сейчас ты решишь раз и навсегда. Или мастер Коро расскажет все, что знает о мече Раканов анаксу Кэртианы и вернется к своим картинам, или Диамни останется с другом и поможет ему поднять то, что одному ему не под силу.

Художник молчал, глядя на лицо собеседника, из которого словно бы высосали молодость. Анакс ждал ответа, и художник сказал:

— Эрнани, я остаюсь.

— Спасибо. — Больной мальчик, ставший повелителем огромной разрываемой смутами анаксии улыбнулся. — Помоги мне перебраться к окну и сядь рядом. А меч... Положи его так, чтобы я не видел, мне страшно ни него смотреть.

Страшно? Почему? Что такого в этой грубо выкованной вещи, или это может почуять только Ракан? Диамни снова завернул клинок в плащ, положил на кресло, перевел юного анакса через комнату, помог сесть и пристроился рядом. Сказать или нет? Мертвых не вернешь, а правда порой причиняет страдание. Нужна ли эта правда Эрнани, Лорио, еще не рожденному ребенку, тысячам обитателей Гальтар?

— Я остался совсем один. — Эрнани не жаловался, просто говорил как есть, — я — анакс, но я не справлюсь. Эридани ничего мне не рассказал, он слишком спешил. Сила Раканов для нас потеряна, а без нее Кэртиану не удержать. Пока жив Лорио, пока никому не известно, что на троне — пустое место, калека, нас еще будут бояться, но потом, через десять, двадцать, тридцать лет?

— Прекрати ныть! — Художник не сразу сообразил, что прикрикнул на анакса как же, как на него самого кричал Лэнтиро Сольега. — Если с головой в порядке, обойдешься без кулаков. Раз кроме тебя некому — значит, сможешь. Потому что должен!

— Прости! — Эрнани с виноватой улыбкой посмотрел на Диамни. — Я все понял. Мы каждый вечер будем запираться от всех, я стану ныть, а ты будешь меня ругать.

— Если нужно, я готов. — Диамни внимательно посмотрел на юного правителя и решил. Мальчик имеет право на правду, и у него достанет сил ее перенести, — Эрнани, — голос художника дрогнул, несмотря на все его усилия, — я должен тебе кое-что сказать. Сначала тебе будет больно, потом станет легче. Один из твоих братьев и в самом деле был подлецом, но не Ринальди, а Эридани.

— Я знаю, — тихо сказал анакс.

— Знаешь?! Давно?..

— Я все понял, когда ты принес меч. Эридани — отец ребенка Беатрисы. Ты хотел

сказать мне это?

— Да. Но это не все. Эрнани, я лгал тебе. Я добивался встречи с Ринальди не для того, чтобы его рисовать. Я был убежден в его невинности и пытался его спасти.

— Но что ты мог?

— Мало, но я сказал ему, что мы с учителем ему верим, и я передал ему оружие, сандалии и отмычки.

— Передал?! — подался вперед Эрнани. — Ты подходил к решетке?

— Да. Ринальди освободился от оков... Не знаю, что с ним случилось, я ждал его у Пенной реки. Мастер Лэнтиро был уверен, что ее исток сообщается с лабиринтами. Мы надеялись, что Ринальди выплывет, но я нашел лишь меч Эридани. Теперь ты знаешь все. Хотя нет... Когда Ринальди ухалил в лабиринты, он просил меня стать его братом. Я не могу ничем подтвердить эти слова, но я был счастлив и горд. И не потому, что я — найденыш, а Ринальди принадлежит к дому Раканов. Он... Мне трудно об этом говорить и еще труднее слушать, как проклинаят его имя. Я не знаю, что случилось в лабиринтах, но я не сомневаюсь, что город спас Ринальди!

— В тебе Рино нашел лучшего брата, чем я.

Эрнани отвернулся к окну. Диамни тихо опустился на скамью у стены. Есть мгновения, которые нельзя спугнуть. Мелькнуло что-то золотистое. Бабочка... Махаон...

— Диамни, — голос юного анакса звенел, как струна, которая вот-вот оборвется, — я знаю, что делать. Позови дежурного эория!

Молодой воин в цветах Унда возник на пороге немедленно, за его спиной маячили два мечника.

— Мой анакс.

Весть о найденном мече уже разнеслась по дворцу.

— Эорий, — Эрнани не отказался от титула, — мне нужен Абвениарх.

— Повиновение анаксу.

Человек в лазоревом плаще вышел, и тут Диамни его вспомнил. Он опустил глаза во время казни — значит, в нем живы совесть и сострадание. Нужно сказать Эрнани, пусть этот воин войдет в число его приближенных. Художник закрыл дверь и повернулся к бывшему ученику.

— Что ты задумал?

— Гальтары должны знать правду.

Итак. Ринальди будет оправдан. После смерти...

— Почему ты молчишь?

— Не знаю. Если оттуда можно видеть то, что происходит здесь, если там это еще важно. Ринальди будет рад. Не крикам на улицах, а тому, что один настоящий брат у него все-таки есть.

— Ты веришь в вечную жизнь?

— Хочу верить, а вот верю ли, не знаю и сам.

Они помолчали, потом Эрнани спросил, как называется влетевшая в покой бабочка. Диамни ответил, и снова стало тихо. Они слишком хорошо понимали друг друга, чтобы разговаривать.

Абвениарх появился неожиданно, хотя анакс и художник ждали именно его. Он уже все знал — то, что знали все.

— Мой анакс, абвениаты оплакивают твою потерю и приветствуют твой восход.

Слова, обычные, ритуальные слова, но как значительно произнесены!

— Слово Абвениарха несет надежду.

Еще одна ритуальная фраза...

— Я знаю, что мой брат Ринальди невиновен, и я хочу, чтобы это узнали все. — Эрнани не стал ходить вокруг да около.

— Эти слова и эти чувства делают честь брату, — Богопомнящий вздохнул. — но не анаксу.

— Что? — Глаза Эрнани блеснули, как у Ринальди.

— Мой анакс, ты будешь удивлен, но невиновность Ринальди была для меня очевидна уже в день испытания. Так же, как и вина Эридани.

— И ты позволил... допустил...

— Да. Тогда я считал это правильным. Анаксия переживает не лучшие времена, Эрнани Ракан, а те, кто оказался на вершине власти, должны думать сначала о своем долге, а потом о своей совести. Эридани обещал стать хорошим анаксом и стал бы им, если бы больше думал об Абвениях. Не смотри на меня так, мастер Коро. Я, как и мои помощники, должен произносить красивые слова, и мы их произносим, но сейчас я говорю о законах, преступать которые опасно. Мой анакс, ты знаешь, что Эридани погубил младшего брата, но ты вряд ли догадался, что смерть Анэсти тоже на его совести. Он хотел власти и был уверен, что станет лучшим анаксом из всей семьи.

— Значит, — Диамни забыл о том, что он всего лишь простолюдин, — дело не в Беатрисе?

— Нет, прелюбодейка была орудием. Она и впрямь любила анакса превыше долга и совести, а он использовал это в своей игре, хотя тело Беатрисы и возбуждало его плоть.

— Почему ты молчал раньше? Почему говоришь об этом теперь?

— Потому что ты стал анаксом и теперь тебе выбирать между спокойной совестью и спокойствием страны. Если ты прикажешь, абвениаты объявят во всех храмах, что Ринальди Ракан погиб безвинно, сгинувший Эридани — братоубийца, клятвопреступник и блудодей, чьи преступления накликали на Гальтары гнев Абвениев, а Беатриса Борраска — его любовница и соучастница. Ты этого хочешь?

— Нет! — выкрикнул Эрнани. — Я хотел очистить имя брата.

— Это возможно, лишь сказав правду об Эридани и Беатрисе. Ты знаешь, к чему это приведет?

Эрнани не сказал ни «да», ни нет», только смотрел на Богопомнящего.

— Это приведет к тому, что Беатрису разорвут на куски матери и жены погибших. Если ее не спасет муж, которому сначала нужно пережить это известие. Он переживет его?

Эрнани медленно покачал головой.

— Значит, ты потеряешь полководца, на чьем мече держится Золотая Анаксия. Даже если Лорио не умрет, он сломается. Ты не сумеешь призвать Силу, ты не можешь водить армии, ты не захочешь бросить воинов на взбунтовавшуюся чернь, а она взбунтуется, эсператисты же подольют масла в огонь. Вот к чему приведет справедливость по отношению к мертвому человеку.

— Почему же ты не спас его, когда еще было время?

— Я ошибся, — очень спокойно произнес Богопомнящий. — Я считал Ринальди слишком непредсказуемым и опасным. Он был единственным из братьев, который играл Силой Раканов, ничего о ней не зная и даже не догадываясь, что делает. Но анакс знал, на что способен его брат. Каждый судит по себе. Эридани подстроил смерть Анэсти и ожидал того же от Ринальди. Поверить, что кому-то не нужна власть, анакс не мог.

— И все равно ты не сказал, почему ты его не спас

— Потому что Ринальди был прекрасным человеком, но никаким анаксом! Я полагал, Эридани может спасти державу, в том числе и своей подлостью, а честность Ринальди ее погубит наверняка. Я уже признал, что ошибался. Сейчас надо думать о том, что будет, а не искать виноватых.

— Я не ищу виновных, я хочу защитить невиновного.

— Невиновного? Что ты знаешь о Силе Раканов? — Вопрос прозвучал властно и неожиданно.

— Мало, — покачал головой Эрнани. — Эридани ничего не успел мне сказать.

— Не успел? Скорее не захотел. Он считал, что пока наследник не обрел знание, он безопасен. Это тоже было ошибкой. Изначальных Тварей разбудило проклятие Ринальди. Будь бедняга виновен, ничего бы не произошло, но он был прав перед Абвениями, и те

ответили. Гибель Гальтар могла остановить лишь кровь истинного виновника. Так и вышло. Лабиринт вернул Раканам меч — значит, грех искуплен. Нужно жить дальше. Если бы Ринальди выжил, я бы первый настаивал на правде, но он погиб. Остался ты и Лорио. Ты хочешь погубить и его?

Абвениарх был прав, и как же отвратительна была его правда. Эрнани поднял измученный взгляд.

— Диамни. Рино назвал тебя братом. Что скажешь ты?

Что он может сказать?! Будь проклята власть, выбор, необходимость решать!.. Спасая жизнь Ринальди, он готов был пойти на казнь, он мог ненароком коснуться зачарованной решетки и стать живой статуей, но он не колебался, а сейчас не знает, что говорить. Справедливость по отношению к одному, к тому, кого ты любишь, и беда для многих тысяч. Вот они, «Уходящие» мастера Сольеги...

— Если бы Ринальди был жив, он отдал бы свою честь за жизнь Гальтар и анаксии. Мы должны скрыть правду, хотя бы на время.

— На время, — подался вперед Эрнани, лицо его просветлело, — вот именно! На время, пока все образуется...

— Вряд ли такое время настанет. — Абвениарх был беспощаден. — Но теперь и впрямь пора похоронить своих мертвых и идти вперед. Ты принадлежишь не себе, а анаксии.

— Что я должен делать? — Голос Эрнани звучал безжизненно и устало.

— Сейчас тебе следует отдохнуть, — твердо сказал Богопомнящий. — анакс должен заботиться о своем теле.

— Я отдохну, — все так же безжизненно и ровно пообещал Эрнани

Абвениарх поднялся и вышел. Стук двери, голоса стражников, шелест листьев за окном...

— Ринальди снова убили. — Эрнани проковылял к окну и захлопнул створки. — Предали и убили. На этот раз мы с тобой. Его братья!

— Мой анакс... Эрнани... Не говори сейчас ничего. Завтра Лэнтиро Сольега покажет тебе «Уходящих»... Не скажу, что тебе станет легче, но ты поймешь, что иначе нельзя...

19. Ринальди

— *Тверд ли ты в своем решении?*

— Да.

— *Ты готов отказаться от своего имени, от своей памяти, от своего естества?*

— Да

— *Клянешься ли ты в верности Этерне? Готов ли к бою? Признаешь ли власть Архонта?*

— Да.

— *Войди.*

Черное и алое... Крытая поседевшей травой степь, клубящиеся облака, тревожно кричащие птицы, уводящая в раскаленную бездну дорога. Он уходит в Закат, потому что больше идти ему некуда. Все кончено, он был, теперь его нет.

— *Ты имеешь право на свою последнюю правду. Хочешь узнать о прошлом, прежде чем оно перестанет быть твоим?*

— Да.

— *Ты получишь ответ. Спрашивай.*

— Как умерли мой брат и мастер Сольега?

— *Анэсти Ракана убил Эридани Ракан. Эридани Ракана убил ты. Мастер Сольега жив.*

— Значит, ада лгала?

— Да.

— Зачем?

— Она избрала тебя. Для Этерны и для себя. Если бы ты знал правду, ты бы не ушел с ней.

— Что еще было ложью?

— Многое.

— Я хочу знать правду.

— Спрашивай.

О чем? Об Эрнани? О фресках в пещере? О том, что он забыл?

— Что случилось с Гальтарами?

— Твой брат, воспользовавшись завещанной ему Силой, выгнал наружу подземных чудовищ.

— Зачем?

— Чтобы потом изгнать. Власть Раканов слабела, Эридани решил возродить былой блеск анаксии. Для этого ему был нужен страх. Ему был нужен Зверь Раканов, чтобы сначала уничтожить тварей, а затем собрать воедино Золотые Земли и положить конец восстаниям и войнам. Но по воле Ушедших создающий Зверя платит за него своей жизнью. Эридани придумал, как обойти запрет, расплатившись жизнью брата. Он не знал, что на тебе не было цепей. Ты убил Эридани, и твари вернулись в пещеры. Что ты хочешь знать еще?

— Что с Эрнани и Диамни?

— Эрнани — анакс. Диамни Коро с ним. Не думай о них. Ты для них мертв.

— Фреска в пещере... Кто она?

— Ты и так узнал слишком много.

— Кто она?!

— Хватит. Ты принадлежишь не ей, а Этерне.

— Я должен... Мне надо вернуться!

— Поздно! Судьба Кэртианы не должна тебя больше заботить. Этерна берет твою память и дает тебе свою. Этерна берет твою жизнь и дает тебе вечность. Этерна берет твою боль и дает тебе радость. Ты принадлежишь Этерне, одной лишь Этерне! У тебя нет имени. У тебя нет прошлого. У тебя нет ничего, кроме Этерны! Ты — Страж Заката. Ты выбрал свой путь!

— Нет! Будь оно все проклято, нет!

Он рванулся с неистовой силой угодившего в силки зверя, но Этерна держала крепко. Рев пламени и звон тысяч рвущихся струн были последним, что услышал Ринальди Ракан, третий сын Кэртианского анакса, добровольно последовавший за избравшей его адой. Огненные крылья сомкнулись, отрезая от прошлой жизни, от неудавшейся смерти, от него самого. Это был конец, и это было начало.

...У него не было ни имени, ни прошлого. Его ноги обнимали пахнущие горечью цветы, а над головой резво бежали похожие на корабли облака.

— Я ждала тебя. Страж Заката. — Рыжеволосая красавица призывно улыбнулась. Он знал, что это — ада, теперь он знал многое. Имена погасших звезд, старые пророчества, бывшие битвы, законы Этерны, песни Рубежа — все это теперь стало частью его. Он мог открывать двери между мирами, играть молниями и волнами, убивать взглядом, слышать чужих, узнавать своих. Он не был бессмертен, но убить его было невысказанно, невообразимо трудно. Время обтекало Стража Заката, не причиняя ему вреда, его ждали бои и празднества, бесконечные бои и празднества...

— О чем ты думаешь? — спросила ада и засмеялась. Налетевший ветер разметал рыжие кудри, запах цветов стал острее и горше. В Этерне царила весна, но лиловые колокольчики, пахли осенью.

О чем он думает? В самом деле, о чем? Все решено раз и навсегда, все правильно. Он выбрал свою судьбу и не должен ни жалеть, ни оглядываться, тем более оглядываться некуда. Утром он уйдет на Рубеж, но эта ночь принадлежит ему. Ада хочет его, и она красива, очень красива...

Страж Заката сам удивился злобе, с которой рванул алый шелк.